

СЛАВА
ДОРОНИНА

ХОЗЯИН
ПУСТЫНИ

Мир влиятельных мужчин

Слава Доронина

Хозяин пустыни

«Автор»

2026

Доронина С.

Хозяин пустыни / С. Доронина — «Автор», 2026 — (Мир
влиятельных мужчин)

— Цель поездки, — строго говорит мужчина с черными глазами. Я бы и рада ответить, но сползающая бретелька и его царапающий взгляд лишают меня всяких здравых мыслей. — У вас принято допрашивать туристов или мне одной так повезло? Он усмехается едва заметно, уголком губ. — Повезло. У нас некоторых не спрашивают. Их просто по кругу пускают. Повторяю вопрос. Цель приезда. А я... я правда не знаю, что ответить. Ни один из вариантов не устроит Сиди Ясина. — Тогда снимай свое тряпье. И не дергайся. — Ч... что?.. — голос предательски срывается. ————— Когда начальник поручает мне отправиться в пустыню на поиски своего пропавшего брата, я соглашаюсь сразу. Я журналистка. Загадки — моя работа. И моя слабость. Теперь я в Сахаре. Под видом обычной туристки. Пытаюсь понять, что произошло на самом деле. Вот только пустыня не любит любопытных. И особенно тех, кто оказывается ночью без связи. Лицом к лицу с опасным мужчиной, который явно знает об этой истории намного больше, чем говорит. И почему-то совсем не спешит меня отпустить. ОДНОТОМНИК. ХЭ.
Содержит нецензурную лексику.

Содержание

1 глава	5
2 глава	9
3 глава	11
4 глава	13
5 глава	17
6 глава	20
7 глава	23
8 глава	27
9 глава	30
10 глава	34
11 глава	38
12 глава	40
13 глава	43
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Слава Доронина

Хозяин пустыни

1 глава

Никогда бы не подумала, что обычный песок может вызвать столько эмоций. Пройдя по подсвеченной дорожке, оказываюсь за пределами лагеря. Шум веселья глохнет, словно кто-то прикрывает дверь между двумя мирами.

Еще минуту назад там были смех, берберские барабаны, сладкий чай с мятой и туристы, которые фотографируют огонь на телефоны. А здесь только ветер и черное небо, густое от звезд. И не верится, что днем тут кипела жизнь: шумели квадроциклы, ходили караваны верблюдов. А ещё буквально позавчера я сидела в офисе, смотрела из окна на зимнюю Москву...

Поднимаю голову. Кажется, будто кто-то рассыпал миллионы стеклянных крошек. И ты один во всем целом мире... Необъятные просторы вселенной прямо у тебя перед глазами. Завораживающее зрелище.

– Вот ради этого Наумов и поехал в Сахару, сто процентов, – говорю сама себе под нос с долей восторга.

Никогда не понимала всех этих путешественников, которым не сидится на месте. Но сейчас признаю, что-то в этом есть.

Песок холодный. Он скрипит под кроссовками, как свежий снег. Я поднимаюсь на ближайший бархан, оглядываюсь. Лагерь остается позади.

Сегодня весь день как будто слишком много всего. Дорога на джипах, верблюды, бесконечные фотографии, разговоры на трех языках, гид, который каждые пять минут говорит: «Посмотрите сюда, а теперь сюда. Здесь открывается прекрасный вид». Я хоть и приехала сюда с делом, но не человек, что ли? С любопытством и трепетом впитываю в себя все новое и так же, как и большинство, восторгаюсь местной природой. Правда не культурой. Ислам мне не близок. Впрочем, никакая религия мне не близка.

Я выдыхаю и сажусь на песок. Пустыня ночью другая. Днем она кажется жаркой, и отчетливо видно барханы, а сейчас спокойная, по-другому живая. И честно сказать, нравится мне больше.

Закрываю глаза на секунду. Класс. Всё-таки удивительная эта штука жизнь. Еще неделю назад даже близко в планах не было сюда ехать, а сейчас я здесь, и, надо признать, окружение подобралось неплохое. Гид тоже. Хотя поначалу жутко раздражал тем, что много болтал.

Задумавшись, не сразу слышу шаги. Резко оборачиваюсь.

На гребне соседнего бархана стоит человек. Темная фигура в длинной накидке и тюрбане. Сначала я думаю, что это кто-то из лагеря. Но все наши уже сняли этот смешной платок с головы. Я так и не поняла, как его правильно наматывать.

Мужчина какое-то время просто смотрит, а потом начинает спускаться ко мне.

– Ты одна? – спрашивает на ломаном английском.

По коже ползут мурашки.

– Из лагеря, – показываю рукой в сторону, где уже почти не видно огня.

Черт... Вроде бы так далеко не отходила.

Он направляется ко мне. Стирает границу. Останавливается близко. В нос ударяет запах табака. Становится еще неприятнее. Все эти обмотанные в простыни мужики вызывают у меня стойкое отвращение. А что если он вообще не из нашего лагеря?

– Ты заблудилась? – спрашивает он.

В темноте я вижу только блеск его глаз и зубов.

– Нет.

– Я покажу тебе красивое место. Идем.

Он протягивает руку и берет меня за запястье. Сначала будто случайно. Но когда я пытаюсь выдернуть руку, его пальцы сжимаются сильнее.

– Не надо, – говорю я грозно. – Отпустите!

Он смотрит на меня в темноте и улыбается. Я снова дергаю запястье. Без толку. Его пальцы, как металлический зажим.

– Слушайте, – говорю уже резче. – Там гид, группа, люди. Если я сейчас не вернусь, меня будут искать. Я туристка.

Но ему будто все равно. Он дергает меня на себя, я почти врезаюсь в него грудью, и меня передергивает от ужаса.

– Отпустите, – воплю уже на инстинктах. – На помощь, – пытаюсь вывернуть руку.

Но он перехватывает вторую и теперь держит меня за оба запястья.

– Вы понимаете, что делаете? – тараторю я, чувствуя, как начинает подниматься паника. – Это уголовное преступление. Туристы здесь под защитой. Вас посадят.

Он лишь громче смеется.

– Посадят? В пустыне?

Потом говорит что-то на арабском.

– Да. Посадят. Полиция. У нас гид, у нас группа. Меня будут искать.

Хотя не уверена. Ночь. Темно. Я даже не могу толком рассмотреть лица. Да они практически все для меня на одно! Господи...

Ублюдок наклоняется ближе.

– Ты будешь молчать, – толкает меня назад.

Я спотыкаюсь о склон бархана, падаю на колени. Холодный песок мгновенно набивается в кроссовки.

– Помогите! – снова кричу.

Он хватает меня за плечо и тянет вниз. К каким-то темным кустам.

– Вы с ума сошли? Прекратите!

Но он резко толкает меня. Я падаю на спину. Песок набивается уже в волосы и даже немного в рот. Насильник наваливается сверху. Тяжелый. Грубый. Вонючий. Я чувствую, как его колено пытается раздвинуть мне ноги.

– Нет! Нет! – бью его. Куда попадаю. В грудь. В шею.

Набрав в ладонь песка, бросаю ему в лицо. На секунду он отпускает меня, но этого хватает для маневра. Я скатываюсь вниз по бархану почти кубарем. Поднимаюсь и бегу. Песок проваливается под ногами. Едва удерживаю равновесие. Ветер свистит в ушах. Где-то позади слышатся шаги. Но я не оглядываюсь. Ещё несколько мгновений назад я едва не умирала от восторга, когда смотрела на звёзды, а сейчас задыхаюсь от страха.

Вдруг на возвышенности появляется приближающаяся полоска света и звук машины. Я выскакиваю вперед, бегу прямо на свет. Потому что это сейчас единственный шанс. И лучше уж под колесами машины оказаться, чем под тем противным мужиком. Может, это погонщик верблюдов, и как бы я тогда точно определила кто меня изнасиловал?

Рев мотора, визг тормозов, песок летит в стороны. Джип останавливается передо мной так резко, что я падаю, не удержавшись на ногах. Несколько секунд просто лежу, ослепленная светом, не в состоянии пошевелиться от пережитого страха.

Дверь машины открывается. Кто-то выходит. Снова мужчина. Говорит на арабском. Голос резкий, раздраженный. Надо что-то сказать в ответ, но не получается. Воздух застревает в горле. И ни одного английского слова в голове, охота орать матами на русском.

Дурацкая пустыня! Ни черта тут не весело!

Мужчина подходит ближе. Опускается передо мной на корточки. Теперь я вижу его лицо: резкие черты, темные глаза, отросшая щетина. Он высокий, в кожаной куртке и без шарфа. А еще не в этих балахонах, как тот омерзительный тип.

– Что случилось? Ты как здесь оказалась? – спрашивает уже на чистом английском.

Я поднимаю руку и показываю назад.

Может, и не араб вовсе? Хоть бы!

На гребне бархана появляется фигура. Тот самый бедуин. Или кто он на самом деле. Он остановился. Смотрит на нас. Мужчина рядом со мной делает шаг вперед. Что-то говорит ему на арабском. Голос спокойный. Но в нем есть что-то такое, что даже мне становится не по себе и хочется закопаться с головой в песок. Фигура на бархане разворачивается и исчезает в темноте.

Я медленно выдыхаю.

Спаситель оборачивается ко мне.

– Всё в порядке? Цела?

– Вроде бы...

– Хорошо. Садись в машину.

Я не двигаюсь.

Он смотрит вокруг. На темные барханы, на пустое небо.

– До лагеря отсюда далеко, – констатирует он. – Пешком ты туда не дойдешь.

– Я...

– Садись, – произносит строго. Помогает мне встать и открывает пассажирскую дверь.

Я медлю секунду. Потом всё-таки сажусь.

Некоторое время мы едем молча. Только двигатель гудит и песок шуршит под колесами. Меня начинает отпускать после стресса. Частично. Украдкой рассматриваю незнакомца. Он держит руль одной рукой, другой переключает передачу. Мощный такой. Уверенный. И выглядит куда устрашающе, чем тот бедуин с бархана... В случае чего точно не отобьюсь.

– Как тебя зовут? – спрашивает он, не глядя на меня.

– Лера. Валерия.

Он кивает.

– Тебе повезло, Валерия.

– В смысле?

Спаситель бросает на меня короткий взгляд.

– Что я ехал этой дорогой.

Он снова смотрит на дорогу. Фары выхватывают из темноты барханы один за другим.

– Ночью в пустыне никто не ездит случайно.

Вдруг впереди появляются огни. Виднеются шатры. Машины разбросаны хаотично, будто каждая готова сорваться с места в любую секунду. Джип останавливается, и к нам сразу подходят. Мужчина быстро говорит на арабском. Я ничего естественно не понимаю, но зато слышу отчетливо: «Сиди Ясин». Меня накрывает новая волна паники. Мозги начинают усиленно работать. Я поворачиваю голову. Осматриваюсь внимательнее. Лагерь большой и отличается от туристического глэмпинга.

– Выходи, – открывается дверь и раздается приказ.

Выбираюсь наружу, всё ещё пытаюсь понять, что происходит и где я нахожусь.

Сиди Ясин смотрит на меня внимательно.

– Сегодня останешься здесь.

Я напрягаюсь.

– Почему не в мой лагерь? – подаю я голос.

– Потому что сегодня я не планировал никого наказывать или убивать. С тем, кто посмел тронуть моего гостя... я лично поговорю.

– Вы... вы знаете, кто на меня напал?

Мой спаситель не отвечает. Обходит свою машину и идет вперед. Я наблюдаю за ним. Высокий. Широкие плечи. Движения уверенные, почти ленивые. И очень отличается от этих замотанных, которые окружали меня весь день. Или мне так просто хочется думать. Еще двое мужчин подбегают к нему и начинают быстро говорить на арабском. Он отвечает коротко, не меняя выражения лица. Здесь много мужчин, почти все в темной одежде. Некоторые в длинных накидках. И ни одной женщины. Кроме меня. А еще они явно относятся с почтением к мужчине, который едва не сбил меня на джипе.

Сиди Ясин оборачивается ко мне, будто только сейчас вспомнил, что я всё еще здесь.

– Каиль! – зовет он и кивает на меня.

Один из мужчин подходит ближе. Его взгляд скользит по мне сверху вниз. Быстро, оценивающе.

– Пойдемте, – говорит он на английском.

Машинально делаю шаг, но в этот момент ловлю взгляд Ясина. Снова вспоминаю ту секунду на дороге, когда фары ударили мне в лицо, а потом я увидела его силуэт за рулем... В нем есть что-то холодное, опасное. И одновременно притягательное.

Человек Ясина ведет меня между шатрами к самому большому, неподалеку от бассейна.

– Вам повезло, что сиди Ясин нашел вас, – говорит он, и, открыв дверь, жестом предлагает войти.

Внутри неожиданно уютно. Пол устлан коврами, в углу располагается низкий столик, на котором горит лампа. Воздух пахнет специями. И даже намек нет на сырость, как было в Фесе, где мы остановились переночевать.

– Вам принесут воду, сладости, чай, – говорит он. – Отдохните. Завтра вернем вас в ваш лагерь.

Он выходит, и я остаюсь одна. Первым делом иду проверить, есть ли засов. Окно, которое приоткрыто, наглухо закрываю. Через него вполне пролезет человек. А с меня хватит на сегодня приключений. И обойдусь без угощений.

Сердце постепенно начинает биться ровнее. Но ощущения, что я в безопасности, нет ни на грош. Скорее наоборот. Зачем меня сюда привезли?

Медленно провожу ладонями по лицу. Песок. Пыль. Адреналин. Сейчас бы помыться. Есть тут душ? Осмотревшись, нахожу его за шторкой. Отлично.

Опускаюсь на подушки у низкого стола, переваривая произошедшее.

Бедуин. Бег. Машина. Сиди Ясин...

А если все-таки... тот самый?

И то ли я везучик по жизни, то ли нет. Пока непонятно.

2 глава

Я тянусь в карман.

Пусто.

В другой карман.

Тоже пусто.

Сердце неприятно дергается.

Телефона нет.

В голове мгновенно всплывает момент, когда я бежала вниз по бархану. Песок уходил из-под ног, я почти скатилась, пытаюсь не упасть.

Наверное, тогда он и выпал.

Я закрываю глаза, медленно выдыхаю.

– Черт.

Связи в пустыне почти нет, но телефон был нужен не для этого. Там хранится вся информация.

И Марк... Он точно будет меня искать.

Я должна ему сообщить, что произошло. Но как?..

Ладно. Не катастрофа.

Марку утром все объясню. Возможно, он вообще не обнаружит моего исчезновения. А с компа телефон можно заблокировать и он превратится в кирпич.

Но мысль, что сотовый остался где-то там, не дает покоя. Там вся информация. Карточки, файлы, фотки, платежный стикер, доступы, ключи. Как я так могла... Это же все придется восстанавливать. И в пустыне это все сделать куда проблематичнее.

Я резко поднимаюсь и подхожу к выходу, выглядываю наружу. Лагерь почти затих. Осталось только несколько костров и тихие разговоры.

И вдруг замечаю его...

Ясин стоит в нескольких метрах от шатра, разговаривая с одним из мужчин. Свет костра падает на его лицо, делая тени резче. Он слушает, слегка наклонив голову. Потом отвечает коротко. Его собеседник кивает в мою сторону и уходит. Ясин поворачивается. И тут же направляется ко мне. А я забываю, зачем вышла.

– Что-то случилось? – строго спрашивает он.

Я колеблюсь.

Но потом решаю сказать. Вдруг удастся найти. Там же были следы... А он, как я поняла, отлично ориентируется на местности.

– Я... я потеряла телефон...

Ясин слегка прищуривается.

– Где?

От его взгляда по коже бегут мурашки.

– Там, – показываю в сторону пустыни. – Когда бежала. Мне нужно его найти...

Несколько секунд Ясин смотрит на меня. Потом переводит взгляд на барханы.

– Ночью ты его не найдешь. Иди спать.

– Я понимаю, но... – осекаюсь, потому что становится пуще прежнего не по себе от взгляда Ясина. На меня еще никто так не смотрел. Одновременно строго и в то же время... будто видит насквозь и знает, что никакая я не туристка.

Пауза затягивается. Ветер проходит между шатрами, шурша тканью.

– Утром попробуем поискать, – наконец говорит он. – Сейчас я иду отдыхать. И ты тоже. Он уже собирается уйти, но вдруг останавливается.

– Больше не гуляй одна ночью по пустыне. Плохое развлечение.

– Обычно я выбираю куда более безопасные способы досуга. И не виновата, что на меня напали в этой проклятой пустыне, – вдруг выдаю протест.

Потому что не нарывалась на неприятности специально. Ну и конечно, сложно держать эмоции под контролем, когда все идёт не по плану.

Ясин смотрит на меня секунду, а потом неожиданно меняет маршрут и проходит в мой шатер, останавливается у входа. Лампа освещает его лицо сбоку. Несколько секунд он просто смотрит на меня, отчего паника возвращается и ощущение, будто я снова на том бархане и мне угрожает опасность.

– Тебе уже лучше? – спрашивает он.

Я понимаю, что он имеет в виду. Мое дыхание. В тот момент я была сильно напугана. Впрочем, и сейчас... Необъяснимые чувства вызывает эта ситуация и этот человек.

– Да...

Ясин кивает. Потом проходит внутрь шатра и наливает себе воду из кувшина, будто это его собственная гостиная. Выпив, ставит стакан и продолжает смотреть на меня. По позвоночнику уже бежит не озноб, а электрический ток. Настолько я напряжена.

– Ты убежала далеко от лагеря. Тебя будут искать. Я бы мог послать человека и предупредить, что с тобой все в порядке, но мои люди уже отдыхают. И я тоже очень устал.

– Я... не думала, что это будет проблемой, – растерянно отвечаю, пытаюсь сохранять спокойствие, но все равно сильно нервничаю. И Ясин это наверняка видит. Но все равно продолжает давить взглядом.

– В пустыне всегда есть проблемы. Особенно если не знаешь местности. Гид разве не предупредил?

– Предупредил...

Но я его не послушала.

– Спасибо, что остановились, – натягиваю маску смущения.

Ясин пожимает плечами.

– Ты выбежала прямо под колеса. Я мог тебя переехать.

– Если выбирать, от чего пострадать... – замолкаю. Все что на уме мало вяжется с образом безропотной дуры. – Гид еще предупреждал меньше вступать в диалоги с местными...

Ясин вдруг слегка улыбается. Почти незаметно приподнимает уголки губ. Но от этого его лицо становится еще опаснее. И притягательнее.

Несколько секунд мы молчим. Внутри меня снова начинает расти странное напряжение.

– Утром тебя отвезут обратно в лагерь, – говорит он. – В шатре есть все необходимое. Телефон тоже постараемся найти.

– Спасибо.

Он уже разворачивается к выходу. Но вдруг останавливается. И снова смотрит на меня.

– В следующий раз, когда захочешь прогуляться, – произносит он спокойно, с холодной уверенностью, – не уходи одна так далеко. Пустыня не любит одиночек.

Ясин разворачивается и выходит.

А я остаюсь стоять у входа в шатер, глядя в пустоту, думая о том, что черт пойми где, без телефона, без связи, в лагере человека, о котором толком ничего не знаю, кроме того, что его имя всплывало на одном из видео, которое Наумов-младший накануне исчезновения прислал своему брату. Если, конечно, речь вообще шла о нем.

Подхожу к кровати и медленно опускаюсь на подушки. Сердце начинает биться быстрее.

А что если правда он? Выходит, не просто так приехала?

3 глава

Странно, что я вообще засыпаю этой ночью. Наверное, пережитый стресс просто выключает меня из реальности и дает нервной системе хоть немного перезагрузиться. Когда открываю глаза, в шатер уже пробивается свет через небольшое окно, а я неожиданно чувствую себя отдохнувшей и бодрой.

Выхожу на улицу и сразу щурюсь от света. Солнце уже высоко. Лагерь проснулся. Мужчины двигаются между машинами, кто-то проверяет канистры, кто-то разговаривает у костра. Запах дыма висит в горячем воздухе.

Я ловлю а себе взгляды. Быстрые, скользкие, оценивающие. Хочется скрыться от них в своем шатре, но замечаю Ясина. При свете дня его фигура и черты лица издалека кажутся будто еще опаснее. Он разговаривает с двумя мужчинами. Когда подхожу ближе, один из них сразу замолкает.

Ясин поворачивает голову. Его взгляд останавливается на мне. Несколько секунд он сканирует меня своими черными матовыми глазами. Я такого цвета еще не встречала. Как будто свет в них не отражается, а тонет. И вчера из-за сумрака я этого не заметила. А сейчас при солнечном свете вдруг хочется сделать шаг назад.

Но вместо этого неуверенно произношу на английском:

– Доброе утро.

Стоящие рядом мужчины кивают. Ясин же, словно глыба, продолжает меня сканировать своими черными глазами.

– Проснулась.

– Как видите.

Он кивает на машину.

– Хорошо. Поедем искать твой телефон.

Я поднимаю бровь.

– Вы... правда собираетесь тратить на это время?

Он слегка улыбается и не отвечает. Мужчина, кажется, Каиль – он вчера провожал меня до шатра – тоже улыбается.

– Время, Валерия.

Он произносит мое имя чисто, будто уже не раз его произносил.

– Поторопитесь. Он пока в хорошем расположении духа, – шепчет Каиль.

А что будет, если в плохом? Впрочем, мне это не интересно. Мне нужен мой телефон и обратно в лагерь. Там уже сто процентов меня ищут.

Дверь захлопывается с глухим звуком. В салоне уже душно. Ясин садится за руль, заводит двигатель, включает кондиционер, и джип медленно выезжает из лагеря.

Некоторое время мы едем молча. Снаружи только песок. Барханы. Небо. И никаких ориентиров. Я теперь смотрю на всю эту красоту с мыслью, насколько легко здесь потеряться. Вчера об этом как-то даже не задумывалась, когда мы катались на верблюдах... А может, это правда какой-то из погонщиков на меня напал?

– Где примерно это было? – спрашивает Ясин, вырывая меня из задумчивых мыслей.

Я показываю вперед.

– Там. На том бархане. Кажется...

Он снова улыбается, разворачивается и направляет машину к песчаному склону. Становится неловко. Я действительно не могу ориентироваться. И если бы не вчерашнее появление Ясина... Ладно. Хватит уже это прокручивать.

Машина останавливается.

– Пойдем, – говорит он.

Я вылезаю из джипа. Солнце бьет прямо в глаза. Песок уже теплый, и хочется снять ветровку. В шатре я даже не стала раздеваться и принимать душ – так легла. А сейчас с радостью окунулась бы в бассейн...

Лишь в эту минуту доходит, как я сглупила! Мне следовало осмотреться, придумать, как появиться там еще раз. Да хотя бы просто задержаться. Если сейчас скажу, что хочу есть и у меня не было завтрака и нам надо вернуться обратно, это будет слишком глупо?

Мы поднимаемся на бархан. Я оглядываюсь. Вчера ночью все выглядело иначе. Сейчас барханы кажутся одинаковыми. Ни черта не понятно, где мы вообще и в какой стороне лагерь. Что мой, что Ясина.

– Кажется, где-то здесь... – неуверенно говорю я. Если бы он меня тут сейчас оставил, я бы не нашла дороги обратно.

Ясин молча осматривается. Потом вдруг наклоняется. Я вижу, как он поднимает что-то из песка.

Мой телефон!

Не может быть!..

Он стряхивает песок с экрана и протягивает его мне.

– Держи.

Я облегченно выдыхаю.

– Спасибо...

Нажимаю кнопку включения. Экран загорается. Но процент зарядки всего пять. И связи... ноль.

– Не работает? – спрашивает он.

– Работает. Но связь...

– Ее здесь практически нет. Только вай-фай в лагерях и рации.

Я убираю телефон в карман и снова думаю о том, какой повод придумать, чтобы вернуться в его лагерь. Иногда я так туплю!

Ясин вдруг делает шаг ближе. Я чувствую его запах. Он слегка склоняет голову. Смотрит на меня так внимательно, что сердце начинает тревожно биться. Будто пытается вскрыть мои мысли. Хотя, может, правда телепат? Как он так быстро нашел мой телефон?

Ветер проходит по бархану, поднимая легкую волну песка.

– Отвезу тебя в твой лагерь. Поехали.

Он разворачивается и начинает спускаться с бархана.

– Уже? – вырывается у меня глупость.

Он оборачивается.

– Что-то потеряла еще?

– Я думала... вы держите заблудившихся туристов дольше, – вылетает очередная тупость.

Господи, Лера. Да ты мастер флирта и провокаций. Лучше бы что-нибудь про завтрак ляпнула.

– Я держу только тех, кто мне действительно нужен, – отворачивается и идет к машине.

А я остаюсь стоять на бархане и смотрю ему вслед.

Что ж. Доходчиво. Я ему не нужна. Чего пока не могу сказать о себе. Наумов обещал мне приличные деньги, если я хоть что-то стоящее узнаю о его брате, хоть какие-то зацепки. А быть на хорошем счету у начальства и с пресс-картой в кармане мне сейчас ох как не помешает.

4 глава

Джип останавливается у входа лагеря.

Ясин глушит двигатель. Некоторое время мы просто сидим в тишине. Кругом ни души и даже намека, что кто-то есть в лагере. Хотя там, наверное, кипит жизнь. Или все уехали кататься на квадроциклах, кажется, сегодня это было по расписанию.

Мы с Марком приехали в составе группы, в которую быстро влились. Я решила не привлекать лишнего внимания, поэтому не стала заказывать отдельный трансфер. Правда, из минусов – дней не так много. Но при желании можно и продлиться, дожидаться новой группы.

Тем более здесь оказалось так прекрасно, я просто влюбилась в Сахару! В кавычках, естественно. Потому что этот песок, по ощущениям, уже у меня везде. Даже в трусах.

Вопреки ожиданиям, что Ясин оставит меня и уедет, он выходит первым.

Я вылезая из машины следом. Песок под ногами уже горячий, солнце бьет прямо в глаза. И было бы очень кстати обмазаться двумя слоями спф. Для моей кожи, которая не привыкла к палящему солнцу, через час я уже буду похожа на перезрелый томат.

Еще один плюс этой великолепной пустыни.

Но теперь я, конечно, понимаю, почему они при такой жаре не разгуливают в шортах и майках. Которых у меня с собой целый чемодан.

– Проводить? – спрашивает он.

Не знаю, что ответить, чем его зацепить. Странная пауза повисает между нами.

– Нет, – говорю я наконец, так и не придумав, как продолжить наше общение.

Все идеи – полнейшая тупость. Ну не разыгрывать же тепловой удар. Да и где мне так напекло? От кондиционера в машине?

– В следующий раз будь осторожнее, – сдержанно произносит он.

– Я постараюсь. Спасибо... за помощь.

Но как тут что-то загадывать наперед, потому что я вся в идеях и планах, как организовать нашу новую встречу. Наверное, без каких-либо инцидентов не обойдется. Приключения любят меня. А я их.

Я разворачиваюсь и иду. Песок скользит под ногами. Несколько раз оглядываюсь, чисто машинально. Но на самом деле просто хочу убедиться, что Ясин все еще смотрит.

И он действительно смотрит. Стоит возле машины, опершись рукой на крышу джипа.

Я отворачиваюсь и продолжаю идти. Может, вот сейчас споткнуться? Но пока размышляю и решаюсь предпринять хоть что-то, слышу крик:

– Лера!

А следом замечаю Марка. Он почти бежит ко мне. Волосы растрепаны, лицо злое.

– Где ты была?! Черт тебя бери. Я всех на уши поставил. Чуть с ума не сошел.

Он хватает меня за плечи. Встряхивает.

– Ты вообще понимаешь, что я тебя полдня ищу?! Я проснулся – тебя нет. В лагере тебя никто не видел.

Я удивленно смотрю на него. Не думала, что Марк такой паникер. Ну пропала и пропала.

Игорь Сергеевич направил нас двоих, сказав, что так будет лучше. Типа мы пара. Но сейчас это его решение под большим сомнением.

Может, пока не поздно, скажем всем, что он мой брат? Лучше бы я приехала сама по себе.

– Успокойся, со мной все в порядке, как видишь, – и так и подмывает добавить: кажется, я встретила того, кто нам нужен или хотя бы подскажет, где сейчас брат Игоря. Но почему-то не говорю. – На меня напал какой-то бедуин, не из нашего лагеря, когда вчера выходила посмотреть на звезды. Помог отбиться местный мужчина, я в их лагере переночевала...

Марк смотрит в сторону джипа.

И я тоже.

Ясин уже за рулем. Двигатель глухо рычит. Он смотрит на нас секунду, не больше. Потом переводит взгляд на Марка. И только после этого трогается с места.

Джип медленно катится по песку и исчезает за барханом.

Почему-то от этого внутри становится пусто. И весь азарт сходит на нет.

– Ты серьезно? Напали? – Марк смотрит на меня с недоумением.

– Да.

– Где?

Я киваю в сторону бархана.

– Там.

Он медленно проводит рукой по лицу.

– Черт...

– Что?

– Мы туристы. Тут с этим строго... И мы вроде как не собирались привлекать к себе лишнего внимания... Не привлекли, блин.

Я скрещиваю руки.

– По-твоему, я специально? И мне слышится, или в твоём голосе укор?

– Да нет, конечно, Лер... Я просто переживал за тебя. Я реально весь лагерь утром поставил на уши. Хотел уже Наумову звонить и говорить, что и ты пропала. И знаешь, это выглядело бы странно – не заметить, что моя якобы девушка исчезла и изображать спокойствие.

– Странно? А то, что Наумов-младший тут пропал, не странно?

– Думаешь, его тоже какой-то бедуин... – шутит Марк, смягчаясь.

– Да ну тебя, – отталкиваю его и опять смотрю в сторону, где минуту назад стоял джип.

Надо придумать, как еще раз появиться в том лагере. Да хотя бы просто организовать нашу встречу с Ясином. Боже, какая же я дура.

Нет, конечно, сообразила в последний момент снять фитнес-браслет с руки и оставить его в джипе. Якобы случайно. Но что-то пока сомнительный способ вновь оказаться среди его людей и рядом с ним. Очень сомнительный.

Надо подумать как быть. Должно же быть какое-то решение. Это точно хороший знак, что вчера я попала в его руки. Но в голове каша.

– Я приведу себя в порядок, а ты пока не отсвечивай в шатре, договорились?

– Для начала гиду попадись и объясни, что произошло, – с претензией говорит Марк.

– Вот ты и объясни. А я хочу в душ, есть и чуть-чуть побыть одна.

Сказав это, направляюсь к шатру.

Внутри снимаю с себя всю одежду и бросаю телефон на зарядку. Как не вовремя он пропал. Я бы сфоткала лагерь – и это уже была бы хоть какая-то геолокация. И материал. Как следствие – моя премия. И как Ясин так быстро его нашел? Вот. Вполне же нормальная тема для разговора, а я сидела остаток дороги словно воды в рот набрав.

Нет, мне точно надо как-то еще раз туда попасть. Правда, не через того омерзительного бедуина.

Пока намыливаю голову, прокручиваю в голове нашу встречу с Ясином, все его слова. Он говорил, что в пустыне нельзя быть одной.

Но где гарантии, что я опять его встречу?

Вчера мне просто повезло.

Уф. Как быть. Как же, черт возьми, быть. Я не хочу уезжать ни с чем.

Еще раз намыливаюсь и, стоя в неудобной маленькой душевой, никак не могу совладать с эмоциями. Эта тупая черта в характере – в моменте не решиться на какие-то смелые вещи не раз уже подводила. А я опять на те же грабли. Никак не научусь.

Ну и что бы ты сделала, Лер?

«Стриптиз ему бы показала», – почти слышу насмешливый голос Кристины, своей лучшей подруги и невольно улыбаюсь.

Да, очень полезный бы был совет. Особенно когда стоишь в пустыне перед мужчиной, которого видишь второй раз в жизни и не знаешь, не пристрелят ли тебя через пять минут. Чем не новое приключение.

Ещё бы знать, с кем я имею дело. Может, это вообще какие-то преступники. И наверняка они есть. Наумов бы не пропал просто так. Люди в принципе просто так не пропадают. Всегда есть причина и следствие.

И я могу закончить как он...

Залив в себя кофе и позавтракав, мое настроение улучшается.

Группа выдвигается на прогулку на квадроциклах. Мне это все до одного места. Я не фанат экстрима и лучше бы провалялась с книжкой. Как раз взяла с собой «Женщина в песках». Очень символично.

Но как отбиваться от команды? Никак. Да и хорошо, что не стала отказываться. По итогу все получают клевые эмоции, и я в том числе.

После заката мы возвращаемся в лагерь, где для нас снова разводят костер и готовят ужин.

Марк не отходит от меня ни на шаг, чем начинает раздражать и напоминает, почему я вчера пошла прогуляться под звездами одна.

Правда, сегодня уже хочется его отправить на тот бархан.

– Лера, – окликает меня Карим, наш гид, когда я собираюсь ретироваться с общего веселья. – Сегодня, пожалуйста, давай без происшествий. Я несу за вас ответственность. Мне не нужны проблемы.

И начинает объяснять, как важно соблюдать правила.

Бла-бла-бла.

Вообще-то я за этими опасностями и приехала.

Не надо мне мешать вести мое журналистское расследование и заниматься тем, что мне интересно. И необходимо для дальнейшего существования. Деньги нужны позарез.

И вообще, с каждым новым решительным, хоть и сумасбродным шагом я все дальше от старой жизни. А это именно то, чего я и добиваюсь.

– Карим... – задумчиво смотрю на него. – Вы не знаете, кто был тот человек, что меня сегодня привозил утром? – терпеливо выслушав все его наставления, спрашиваю я.

История о моем исчезновении и нападении бедуина, а затем чудесном спасении, уже стала достоянием общественности. То есть нашей небольшой группы.

– Что ты хочешь, Валерия? – он начинает хмуриться. – Зачем тебе это?

– Я забыла у него в машине свою вещь. Мне надо ее вернуть. Это дорогостоящая покупка.

Поднимаю запястье.

– Ремешок расстегнулся, и часы остались или в лагере, или в машине этого мужчины... – напускаю на себя невинный вид.

Имя намеренно не называю, потому что Марк рядом и не хочу новых допросов. Уж он, как и я, быстро сложит все один к одному. Пока рано посвящать его в свои планы.

– Хм... – напряженно вздыхает Карим. – Я узнаю, что можно сделать. Но ничего не обещаю.

– Спасибо... – разочарованно тяну, потому что это не тот ответ, который я хотела услышать.

Совершенно не тот.

Наверное, и вправду стриптиз надо было показывать.

А все уже.

Кто бы вживил мне в черепную коробку искусственный интеллект для генерации гениальных и своевременных идей. И отключил эмоции.

Я делаю шаг в сторону шатра, собираясь идти отдыхать, как и планировала, но мельком оборачиваюсь в сторону выхода из лагеря и замираю.

Не может быть.

Все-таки я везунчик?

Знакомая фигура уверенно идет по подсвеченной дорожке.

Прямым ко мне.

5 глава

Значит, мой план с потерянной вещью сработал. Только немного не так, как я рассчитывала.

Каиль подходит к нам и протягивает мне браслет. Что-то быстро говорит на арабском Кариму, после чего я достаиваюсь еще одного его строгого и недовольного взгляда.

– Что он сказал? Переведи, пожалуйста.

Карим кивает. Я принимаю браслет и застегиваю его на запястье.

– Нас приглашают в гости. Завтра вечером будет развлечение с огнями, небольшой фуршет и музыка.

– В лагерь? – удивляюсь я. – В тот, где я уже была?

– Неподалеку проходит выставка ретро-автомобилей и ночной заезд. Приехали диджеи, что-то вроде вечеринки и открытия мероприятия. Мы сегодня как раз проезжали это место днем. Попасть туда могут не все, но Сиди Ясин организовал нашей группе вход... – Карим делает небольшую паузу, – ... в качестве принесенных извинений за твое ночное приключение.

Я чувствую, как внутри щекочет поднимающийся азарт. Да-да. Получилось. Отлично.

– А он там будет? – интересуюсь, как нетерпеливый ребенок.

– Валерия... – Карим снова хмурится.

– Хотела лично его поблагодарить. Еще раз. Вместе со своим молодым человеком, – киваю на Марка.

Он награждает меня еще одним тяжелым взглядом, после чего коротко говорит что-то Каиллю на арабском. Тот кивает и уходит.

Карим делает шаг ближе.

– Ты, видимо, не понимаешь, Валерия. – Он буквально нависает надо мной. – Тогда я объясню.

Голос у него тихий, но напряженный.

– Погонщика верблюдов, который вчера к тебе приставал, нашли сегодня в пустыне. В довольно... плачевном состоянии. И хорошо, что вообще нашли.

Я моргаю.

– Этот человек, который тебя... спас, – продолжает Карим, – значимая фигура в этих местах. И когда от него приходит приглашение, от него не принято отказываться. Но лучше бы было отказаться и на глаза ему не попадаться.

Он делает паузу.

– Напрямую тебе никто не может предложить ничего такого, чего бы ты не хотела. Но это даже не намек. Это...

Он замолкает. В глазах мелькает что-то похожее на страх и раздражение.

Любому гиду меньше всего нужны проблемы. Карим не раз мне об этом говорил. С самого первого дня, когда я едва не упала со склона, пытаясь сделать красивый снимок. Вчера внезапно исчезла. А сейчас, похоже, создала новую внештатную ситуацию. Мне-то понятно – это все на руку. Но не гиду.

– Хочешь сказать, что меня выкрадут? – пытаюсь перевести разговор в шутку.

Но взгляд, которым меня награждает Карим, мгновенно убивает все веселье.

– Это твои личные отношения, – он ведет подбородком в сторону Марка, который веселится с остальными у костра, – и вмешиваться я не могу. Но предупрежу. Вдруг ты не понимаешь. Всю группу приглашают сейчас ради одной женщины. Туда, где обычным людям в принципе не место. Это мероприятие для своих.

Он смотрит на меня прямо.

– Я не ручаюсь за то, что произойдет после. И снимаю с себя всю ответственность. Если ты согласишься и поедешь, можешь быть уверена – будет еще предложение. И хорошо, если только оно. Но я к этому никакого отношения иметь не собираюсь. Я предупредил.

Карим разворачивается и уходит, а я остаюсь стоять с браслетом на руке и смотрю ему вслед.

Класс. И даже стриптиз танцевать не пришлось. Пока что. Но какие же здесь дикари живут. Африка, одним словом.

Карим объявляет приглашение Ясина, и Марк тут же оказывается рядом.

– Опа-опа. Это что? Подкат того мужика, что утром тебя привез? Мне не кажется? Рабочий романчик хочешь завести, Валерия? А как же я? У тебя есть парень, не забыла?

– Ты каждый раз напоминаешь. Как тут забыть? – огрызаюсь я.

Лучше бы Игорь Сергеевич зануду Марианну со мной отправил.

– Ну, все здесь присутствующие пока не поняли, откуда столь благородный жест. Может, там что-то было между вами ночью? А когда ты второй раз исчезнешь и меня начнут сто процентов считать роконосцем... Как бы не особо комильфо. Я же самец, у меня эго и все дела. Скажи, что ты не собираешься туда ехать. Мы не шейха тебе приехали искать, а по делу.

– Мне казалось, для моего парня ты должен бы получше меня знать. Собираюсь ехать, конечно.

Марк тяжело и недовольно вздыхает.

– Если честно, Лер, вся эта история мне не нравится. Они же, блин, аборигены. Мы мимо деревни проезжали позавчера, ты разве не видела? По винтикам готовы раскрутить каждого. А тут пустыня. И среди местных женщин я что-то не вижу. Только туристки. И ты самая молодая и смазливая. Он тобой попользуется, в лучшем случае один, в худшем пустит по кругу таких же, как он сам. А мы здесь ради дела.

– Вдруг он принц. А принцев в Москве днем с огнем не сыскать.

– Блядь... – тянет Марк. – Потому тебя и отправили. Ты не то что приключения найдешь, ты черта из-под земли достанешь. И этого мужика, похоже, до белого каления доведешь. Сдался он тебе? – злится Гринсбург.

Я честно собиралась вечером сказать про Ясина и что, вероятно, это человек из видео Ильи. Но Марк бесит своими колкими фразочками, насмешками, намеками, что мне мужик нужен. Не нужен.

– Сдался. Этот принц или кто он там явно будет получше тебя.

– И вчерашнего бедуина? – ехидничает Гринсбург.

– Вчерашнего – нет. Тогда лучше ты.

Марк усмехается.

– Дура ты, Лерка.

А потом берет меня за руку, ведет к костру и увлекает в танец под звук барабанов.

Костер трещит, искры летят вверх, кто-то смеется у дальнего шатра. Лагерь живет своей обычной туристической жизнью, но у меня внутри ощущение, будто я приоткрыла дверь в потайную комнату. И все вокруг стало чуть интереснее. И еще дальше от моей обычной жизни. В которую не хочу возвращаться. Не хочу!

Но вот эти прикосновения и движения Марка сейчас лишние.

– Не переходи черту, – говорю тихо, чтобы только он услышал, и отталкиваю его. – Отпусти.

– Лер, ты чего? – недоуменно смотрит на меня Марк.

– Подстилаю тебе соломку. На случай, если версия с роконосцем станет реальностью.

– Иногда мне кажется, ты сама ищешь неприятности.

– Я журналистка. Это профессиональное заболевание. У тебя разве не так?

Хотя дело, конечно, не только в любопытстве. Мне еще и деньги нужны.

– Не так. Инстинкт самосохранения преобладает.

Карим объявляет программу на завтра и напоминает, что вечер у нас будет в интересном месте. Прощается и уходит. Я тоже иду к себе.

Жаль, что ждать еще почти сутки. Не терпится снова увидеть Ясина. Точнее попытаться понять, имеет ли он отношение к пропаже Наумова-младшего.

6 глава

Утром вся группа отправляется на очередную прогулку с верблюдами, встречает рассвет, завтракает, пока я зависаю у бассейна с коктейлем. Безалкогольным. Потому что безрассудства и так хватает. Ясную голову нужно сохранить. И продумать план по поводу этого пустынного шейха. А еще обязательно зарядить телефон.

День тянется как улитка. Из плюсов – Марк почти не попадает на глаза.

Карим наконец сообщает, что скоро мы отправимся на праздник, и я иду собираться.

Натягиваю свои любимые джинсы в обличку и кроссовки на высокой подошве, чтобы ноги выглядели стройнее. Надеваю топ. Сверху ветровку.

Выезжаем уже в сумерках.

Небо над пустыней чистое, густое от звезд. Машины идут колонной – несколько джипов. Фары выхватывают из темноты лишь песок и редкие кустарники. Иногда кажется, что мы едем в никуда.

Через минут двадцать впереди появляются огни.

Сначала редкие. Потом больше. И еще. И еще. Когда подъезжаем ближе, становится понятно – это целая площадка. Высокие прожекторы освещают пространство между барханами. По периметру стоят машины. Некоторые совсем необычные. Огромные капоты, хромированные решетки, кузова цвета вина, песка, темной бронзы.

Зрелищно. Ничего подобного раньше не видела.

Я выхожу из джипа и на секунду забываю, зачем вообще сюда приехала. Хочется присоединиться к толпе, обсуждениям, веселью.

Музыка играет негромко. Люди ходят между машинами с бокалами, разговаривают, смеются. Некоторые мужчины в легких пиджаках, большинство женщины в платьях, которые странно смотрятся среди песка и фар. Но, о боже, тут есть женщины!

Нас отводят в отдельную зону. Прекрасный обзор, своя площадка.

Я почему-то думала, что в исламе не принято веселиться. Особенно если ты занимаешь какие-то высокие регалии. Помолился и спать. Видимо, пробел в знаниях. И вот незадача, не хочу их восполнять. Вообще откладывать эту информацию в своей голове. Потому что зачем тратить время на то, что тебе впоследствии не пригодится.

– Ничего себе... – присвистывает Марк, оглядываясь. – Похоже на частную вечеринку. Круто. Надо было брать камеру. Неплохой бы получился материал. И европейцев много. Можно было бы легко пообщаться, даже видео какое-нибудь снять.

Будто мои мысли читает.

– Мне здесь тоже больше нравится, чем в лагере, – говорю я.

Мы идем вперед вместе с группой. Карим что-то говорит на арабском мужчине у входа, тот кивает и пропускает нас.

Я делаю несколько шагов, чувствуя на себе чужие взгляды.

– Кажется, мы слегка выбиваемся из дресс-кода, – шепчу Марку. – Знала бы, платье какое-нибудь закинула в чемодан.

– Кажется, да... – Марк отрывает взгляд от машин и людей и с интересом смотрит на меня, словно представляет, как бы я выглядела в платье.

Я отворачиваюсь и уже собираюсь спросить, где тут можно взять что-нибудь выпить, когда замечаю, как люди впереди начинают расступаться. Почти незаметно.

Автоматически смотрю туда же. И вижу его. Ясин стоит у одной из машин. Черная, низкая, длинная. Как будто из старого фильма. Он опирается рукой на крышу, разговаривает с двумя мужчинами. Один активно жестикулирует, но Ясин почти не двигается.

Снова в кожанке. На фоне остальных – опять выделяется. И дело даже не в одежде. Что-то в нем самом. Он вроде должен меня пугать – исчезновение Наумова, слова Карима, чужая страна. А внутри вдруг закипает желание работать, устраивать провокацию и разводить какую-то деятельность. То, чего мне не хватало в моей повседневности в Москве. Как глоток свежего воздуха. В этой песчаной и пыльной пустыне. Удивительно.

Ясин поднимает голову, наши взгляды встречаются, и я забываю про выпивку. Музыка, голоса, шум – все становится фоном. Ощущаю себя так, словно в капкан попала. И даже не сразу выходит прервать зрительный контакт.

Завершив разговор, он отталкивается от машины и идет в нашу сторону. Я ощущаю, как Марк рядом напрягается – все это время он следит за мной. Его взгляд буквально липнет к коже. Не зря в офисе за ним закрепилась кличка Жучок. Самый настоящий. Все слышит, все знает и все замечает.

– Лер, мне это не нравится...

– Что именно? – вполголоса произношу я.

– Я слышал, как Карим говорил, что вся группа приглашена ради одной женщины.

– Ты подслушивал?

– Рядом стоял. И про то, как ты интересовалась этим мужчиной, который идет сейчас к нам, тоже слышал.

Точно Жучок.

– Бесишь, Гринсбург.

– Ты, может, в эскорт к арабам метишь? Следующий шаг – дубайские вечеринки? Напомнить тебе наш недавний общий репортаж и проект? Как девчонке зубы выбивали. Деньги и вседозволенность часто приводят к психологическим проблемам – стираются границы, приглушается чувство опасности, и человек начинает путать свободу с саморазрушением, втягивая в это других.

Не вестись на прямолинейность Гринсбурга мне позволяет только природное упрямство. А так иногда хочется просто уйти в туалет, запереться. Иногда расплакаться. Он как задиристый мальчишка, постоянно цепляет, давит, лезет со своими нравоучениями, язвит. И да, я помню тот репортаж. И ту девочку тоже помню. Бедняжка. Но где я – и где эскорт.

– Низко даже сравнивать меня с подобным. Я столько горбатилась ради этой должности. Тебе ли не знать.

– Вот именно. Надоело горбатиться и захотела легкой жизни? Зачем он тебе сдался?

– Гринсбург, – смотрю на него грозно. – Заткнись. Все не так, как кажется.

Беру у проходящего официанта фужер с шампанским. И, пока не наговорила Марку гадостей в ответ, делаю глоток игристого. Пузырьки приятно щекочут небо. Так-то лучше. Но ни черта не спокойнее.

Ясин уже совсем близко.

Он останавливается. Сначала смотрит на Гринсбурга. Потом на меня.

– Добрый вечер, – приветствует.

Его взгляд скользит по моей руке с бокалом. Задерживается на запястье.

– Вижу, вы его получили.

Я слегка киваю.

– Спасибо. Хотя, честно говоря, я думала, что потеряла его, как и телефон, в пустыне.

Он наклоняет голову. Чувственные губы трогает едва заметная усмешка.

– Браслет был в моей машине. На коврике у сиденья.

– Сначала телефон, потом браслет... Вдвойне вам благодарна.

– Втройне. Еще и это мероприятие. Очень вам признательны, – вступает в беседу Гринсбург.

Ясин смотрит на него чуть дольше. Затем опять на меня. И в его глазах появляется интерес.

– Иногда пустыня умеет удивлять. Вам просто повезло, Валерия. Особенно с телефоном. Ночь была безветренной, следы остались на песке. Для наблюдательного человека, который знает эту пустыню как свои пять пальцев, это дело техники – обнаружить пропавшую вещь.

По спине отчего-то пробегает холодок. Потому что он говорит сейчас явно не про пустыню. И не про везение, а ключевое – «наблюдательный»?

Заметил, что я им заинтересовалась. Это хорошо. Очень хорошо. И наверняка поможет мне в достижении своей цели. Осталось как-то присмирить Гринсбурга.

7 глава

Ясин уходит, а я смотрю ему вслед с чувством удовлетворения. До той секунды, пока не слышу реплику Гринсбурга.

– Это флирт, Лера. Причем открытый. Теперь понятно, почему тебя позвали. Ты сама провоцируешь. И со стороны это выглядит неоднозначно.

– Если ты сейчас снова заведешь шарманку про эскорт, я вылью на тебя шампанское, – отлипаю от спины Ясина и перевожу взгляд на Марка. – Все не так, как кажется. Ясин симпатичный мужчина, но дело в другом.

– И в чем же? Стоп, кто? Ясин?..

– Да...

Лицо Гринсбурга вытягивается, он хлопает ресницами. И я только сейчас почему-то замечаю, что они у него очень длинные и черные, как у девчонки.

Мы, наверное, раз сто пересмотрели все файлы – и видео, и фото. С перерывами, чтобы свежим взглядом, возможно, заметить какие-то детали.

– Реакция на это имя у меня была такая же, как у тебя сейчас.

– Вот это поворот... Ну теперь все сходится...

– Что? Тоже теперь могу отпускать шуточки про эскорт? – язвлю, когда замечаю, что Марк ищет глазами Ясина. – Так... – задумчиво произношу. – Пойдем отсюда. Думаю, тут мы не на виду. С той возвышенности и помоста, куда он поднялся, нас будет не видно. А я приехала не за тем, чтобы оставаться в тени.

– Лера, я жду подробности, – настаивает Марк, пока я тяну его за собой.

– Ну какие подробности? Откуда? За ними мы здесь, как ты не понимаешь. Это же удача, что я тогда ночью попала ему в руки. Но по глупости растерялась и не сразу поняла, что в том лагере следовало как-то задержаться. Еще и телефон выронила в пустыне. А он его нашел. Представляешь?

– В пустыне? Телефон?

– Да. Буквально за пять минут. Я сама сначала не поверила...

– Лер, если бы ты ночью в пустыне его потеряла – все. Шансы один к тысяче. Даже не к ста. Ты серьезно в это поверила? Тебе голову напекло у бассейна, что ли, не пойму?

– Что ты хочешь сказать?

– Если бы ты его там выронила, его бы не нашли. Либо этот мужик большой везунчик. Во что мне слабо верится. Мы в тот день, когда на квадроциклах гоняли, я пытался видео снять и ненароком выронил телефон. Хорошо, что на ступеньку квадрака. А если нет? Ты просто представь эти размеры и километры песка. А тут всю ночь в темноте и за пять минут нашел. Фантастика же? Ты, может, его в машине выронила и он уже все про тебя знает?

Я усиленно раскидываю мозгами. Нет... Не может быть. Он с такой уверенностью приехал к бархану, там были следы, и я видела, как он опускался и что-то доставал из песка. Мне же не могло показаться...

– Сомнительно. Но допустим, – неохотно соглашаюсь я.

– Дальше твои действия, Лер? Вот ты здесь. С парнем. И?

– Я приехала, чтобы осмотреться.

– Нет, на внешности, допустим, сыграешь, типа заинтересовала его. А потом что?

Понимаю куда клонит Марк. И на самом деле такие мужланы, как Ясин, не особо-то в моем вкусе. И секс с ним... тем более нет. Такую цену за материал я не готова заплатить. Ну и, как мне показалось, не насильник же он. Сам ведь сказал, что гость у них ценится. А он уважаемый человек...

– Сейчас выпью, наберусь смелости и попробую еще раз подойти. Завязать разговор. Спросить, как здесь все устроено. Ты украдкой снимешь его компанию. Я в паре, – тычу Марку в грудь. – Что он мне сделает?

– Какая же ты наивная дура, Лера, – усмехается Марк. – Тебя уже сто процентов пробрили. Особенно если телефон ни в каком песке не был. Он тебя ночь потреплет и выкинет. Без какой-либо информации. И это в лучшем случае.

– Твои предложения? – становится уже немного не по себе. Все-таки взгляд со стороны – это всегда полезно. Убивает наивность.

– Послал же бог напарницу...

– Еще раз повторяю. Твои предложения? С пустыми руками вернуться в Москву? Остаться без премии? Тут другая страна, никто про нас ничего не знает. Изобразить глупую дурочку, которая повелась на смазливового араба, мне показалось отличной идеей...

До этой самой минуты.

Марк закатывает глаза. Бросает короткий взгляд в сторону мужской компании, а затем вдруг резко притягивает меня к себе и впивается в губы поцелуем. Жадным, дерзким, горячим. И шампанское, которое я только что глотнула, встает поперек горла. А когда Гринсбург запикивает язык мне в рот, я все же не сдерживаюсь и отталкиваю его.

– Ты что творишь? – шиплю на него.

– Подстилаю тебе соломку. Узнать информацию нам действительно необходимо, но не ценой того, чтобы тебя тут пустили по кругу, когда вскроется, кто мы на самом деле. Что-то я сильно сомневаюсь, что эти люди спокойно реагируют на тех, кто под них копает.

– Какой же ты придурок, Марк, – бешусь я, все еще чувствуя его вкус у себя во рту. Пощечину бы тебе залепить. Хотя почему нет. С самого вылета мечтаю.

Смачно отвешиваю ему оплеуху с чувством удовлетворения.

– Получил? Это тебе за язык в мой рот и все нападки.

– Еще бы раз так сделал, Лер, – с довольством произносит он. – Но перебор для твоего принца. Он и так уже не сводит с нас глаз. Не хочу распалить его интерес. Который ты и без того уже вызвала.

Гнев на Марка обжигает внутренности горячей лавой.

И весь мой слабопродуманный план летит к черту. Мне теперь хочется отсюда уехать. В составе группы.

Я разворачиваюсь, собираюсь слиться с толпой, но Марк хватает меня за запястье.

– И помни: гонорар у нас все равно на двоих. А рискуешь ты сейчас больше. Будь аккуратнее и в радиусе моей видимости. Поняла?

Говорит с таким видом, будто предъявляет мне претензию. Хотя в голосе вполне доброжелательные, даже переживающие интонации.

– Ты... Ты... – губы горят, и сердце бьется оглушительно быстро. – Ты все запорол, Гринсбург.

Как мы теперь что-то узнаем, когда у меня появился страх и сомнения?

Я выхожу из-под навеса, и музыка сразу становится тише. Или это у меня в ушах пульсирует кровь? Губы все еще горят от поцелуя Гринсбурга, и я со злостью вытираю их тыльной стороной ладони. Идиот. Козел. Зачем было засовывать мне язык в рот?

Я ныряю в толпу, мелькаю между плечами, запахами духов и табака. Краем глаза замечаю, как одна девушка в длинном платье цвета охры о чем-то оживленно спорит с мужчиной в белой рубашке. Другой мужчина, лысый и коренастый, рассматривает капот старого «Мерседеса» с таким видом, будто оценивает женщину. Нормальная жизнь. Обычные люди. А у меня внутри все кипит от негодования.

Нужно выдохнуть.

Я замечаю официанта с подносом, беру новый бокал, делаю глоток. Шампанское уже не кажется таким приятным, язык будто онемел после вторжения Марка. Надо с кем-то заговорить. Отвлечься. Перестать об этом думать.

Рядом, у края ограждения, стоит женщина. Лет сорока, русые волосы собраны в небрежный пучок, на плечи накинута палантин. Она смотрит на барханы, которые в свете прожекторов кажутся декорациями к фильму.

– Красиво, правда? – говорю я, подходя.

Она оборачивается. Лицо приятное, уставшее. Улыбается краешками губ.

– Очень. Я тут уже второй раз, и каждый раз как в первый. Особая атмосфера.

– А я в первый. И, кажется, последний, – вырывается у меня, и я тут же жалею. Не хватало еще жаловаться незнакомому человеку.

Женщина смотрит внимательно.

– Почему?

– Песка много, – пытаюсь отшутиться.

– Пустыня... место странное. Кого-то затягивает, кого-то нет. Тебе, значит, не подходит.

Ее окликает какой-то мужчина. Она отворачивается, допивает бокал и уходит в толпу, оставляя меня с этой фразой. Затягивает, да? Точно не меня. Хотя, безусловно, тут необычно и красиво.

Я делаю еще глоток и понимаю, что шампанское закончилось. Ставлю бокал на чей-то столик, иду дальше, рассматривая машины, которые завтра будут участвовать в заезде. Или нет? Эти экземпляры вообще поедут?

Свет постепенно блекнет, за машинами уже стоят шатры. Техническая зона. Пахнет бензином и нагретым металлом. Здесь почти никого. Только пара мужчин в униформе курят у белого фургона. Больше ничего интересного.

Я наблюдаю за ними, не желая возвращаться к Марку. Ну и какой теперь план, Лера? Куда вдруг делся твой запал вызвать у мужчины интерес и выведать нужную информацию?

Дурацкий Гринсбург. Сбил весь настрой. Но он прав в одном: я рискую. И не только собой.

Сейчас бы горячую ванну. Или хотя бы нормальный душ. И желательно не из песка.

Бью носком кроссовка по шине ближайшей машины, тихо ругаясь на русском.

– Ты часто разговариваешь сама с собой?

Слышу позади низкий голос с хрипотцой. И вздрагиваю.

Резко оборачиваюсь.

Ясин стоит в двух шагах. Как он подошел – не слышала. В полумраке его лицо кажется вырезанным из камня: резкие скулы, твердая линия челюсти, глаза – два черных провала. Он смотрит на меня так, будто я единственный источник света в этой густой тени.

По позвоночнику снова бежит озноб, как и вчера.

– А вы часто подкрадываетесь к женщинам в темных углах? – мой голос звучит бодрее, чем я себя сейчас ощущаю.

Ясин делает шаг. Еще один. Теперь он так близко, что я чувствую его запах – горячий песок, пряный табак, что-то древесное и горькое. Не парфюм. Сам он.

– Только к тем, кто специально оставляет в моей машине свои вещи, – произносит он спокойно.

У меня пересыхает во рту.

– Я не...

– Врешь, – перебивает он мягко. Почти ласково. – Но мне нравится, как ты это делаешь.

Ясин поднимает руку. Я невольно задерживаю дыхание. Его пальцы касаются моего подбородка. Теплые. Шершавые. Он слегка поворачивает мою голову, заставляя смотреть прямо в глаза.

– Мой парень, наверное, меня ищет, – выдыхаю я.

Он наклоняет голову. Его большой палец скользит по моей нижней губе. Медленно, почти невесомо. И от этого прикосновения внутри разливается жар. Такой, что хочется скинуть ветровку. И все остальное.

– Здесь много женщин. Поищет себе кого-то еще, – говорит он, усиливая нажим.

Кусаю его за палец. Инстинктивно. Несильно, но ощутимо. На губах Ясина появляется хищная улыбка.

– Вы сейчас переходите черту.

Пытаюсь отстраниться, но Ясин преграждает путь. И с этой улыбкой его лицо выглядит опасным и... невыносимо притягательным.

– Тебя, наверное, предупреждали, что ты могла отказаться от моего предложения и не приезжать?

Он надвигается, а я машинально отступаю, пока не упруюсь спиной в металлический контейнер. Еще шаг – и между нами почти не остается расстояния.

Вопрос повисает между нами. Я могла бы сказать правду. Могла бы соврать. Но в голове пустота. Только его глаза, его запах, его пальцы, которые опять на моем лице. И страх. Потому что когда я соглашалась, то руководствовалась голым азартом. А сейчас... его и в помине нет.

– Я... – начинаю и замолкаю.

Сердце срывается в быстрый, нервный ритм.

– Мне было просто интересно посмотреть мероприятие. Но сейчас я передумала. Мне нужно к Марку, – четко проговариваю.

– Марк подождет, – произносит Ясин, не отпуская ни мой взгляд, ни меня.

8 глава

Спиной ощущаю прохладный металл. А напротив – мужчина, от которого бросает в жар, и его пальцы все еще лежат на моем подбородке. Яркий контраст. И приятный, несмотря на всю неоднозначность ситуации и поглотившие меня противоречия.

– Я туристка, – напоминаю я. – Мы здесь под защитой.

Бред, конечно. Каждый несет ответственность сам за себя.

– Я помню.

Он чуть склоняет голову, его глаза затягивают. Черные, красивые. Загадочные. Сколько же у вас тайн, уважаемый Ясин? В противовес одной моей.

Его пальцы скользят по моей челюсти, останавливаются у уголка губ. Невесомо. Почти ласково. От этого прикосновения все внутри сжимается в тугую узел.

В висках пульсирует кровь. И страх. Я боюсь дать определение тому, что сейчас между нами происходит, но это отдает чем-то неправильным. Даже капельку запретным. В обычной жизни я себя так не веду. И по отношению ко мне тоже. Но в этой чертовой пустыне все идет как-то не так. Сначала Марк, теперь этот араб.

– Я... хочу понять, с кем имею дело, – дышу учащенно, и мне совсем не нравится реакция собственного тела на этого мужлана.

– Зачем? – он наклоняется ближе, и его запах пьянит. – Чтобы потом написать обо мне статью?

Распахиваю в удивлении глаза.

– Я не пишу статей про шейхов...

Все-таки телефон не был ни в каком песке? Или Ясин слишком быстро собирает информацию? Не то чтобы это секрет. Но...

– А про кого ты пишешь? – его интонации все такие же ленивые, но нажим становится жестче, и ощущение, будто он не пальцем вовсе водит по губе и подбородку, а... целует. Есть такие – бесконтактные поцелуи? Так вот это сейчас явно он.

– Я на отдыхе. Со своим парнем. Ничего сейчас не пишу.

– Парнем, – повторяет он и касается свободной рукой запястья, пуская ток по позвоночнику.

Боже, что за реакция. Что происходит...

– Мне показалось, что тебе не понравилось, как он тебя целовал.

– Вам показалось, – отвечаю, чуть дерзче, чем стоило бы.

– Ты хотела бы еще раз оказаться в моем лагере и моем шатре?

В целом – да. Это то, ради чего я здесь. Но «в его шатре» звучит слишком однозначно.

И, возможно, Гринсбург прав. Ясин уже навел обо мне справки.

– Вы нашли мой телефон наверняка еще вчера, когда мы встретились. Но просто не отдали его сразу. Проверяли, кто я?

Он смотрит на меня долго, пристально.

– Возможно, – отвечает спокойно. – Я предпочитаю знать, кто появляется в моем поле.

И если я сейчас здесь... значит, проверку прошла?

К щекам приливает жар.

– А потом?.. Меня найдут где-то в пустыне, когда я надоем? И в чем тогда отличие от того бедуина, который напал на меня и едва не изнасиловал? В моем согласии?

Он наклоняет голову. Опять улыбается. Ему нравится моя дерзость?

– Зачем тебе умирать, Валерия? Ты слишком красивая и яркая, чтобы умирать в пустыне. Найдем твоей красоте более приятное применение.

Его рука снова поднимается. Теперь он не касается лица, бере прядь моих волос, медленно проводит по ней пальцами.

– Для первого свидания слишком жесткое предложение. Не находите? – меня начинает трясти. То ли от адреналина, то ли от его прикосновений.

– Свидание? Хочешь свидание?

Я слишком любопытна, чтобы отказаться. И слишком смела, чтобы испугаться. Хотя причин бояться достаточно. Влиятельный мужчина, возможно причастный к пропаже Наумова, и при этом открыто демонстрирующий интерес.

Черт. И как из этого выкручиваться?

Ясин наклоняется ближе. Его лицо в сантиметре от моего. Я вижу каждую морщинку у глаз, тень щетины на скулах.

– У меня есть парень, – повторяю я, упираясь ладонями в его грудь.

Неужели этого мужлана и впрямь не смущает, что я в отношениях?

Я приехала сюда за информацией, за материалом. И не планировала... все вот это. И тем более не привыкла бросаться в омут с головой с первым встречным. Даже если этот первый встречный... тот, кто мне нужен.

– Я чувствую, как ты боишься, – говорит он, останавливая палец на бьющейся жилке на шее. – И как ты хочешь сказать «да».

Достаточно одного его движения, чтобы сжать пальцы. Но он просто держит, слушая мой пульс и считывая реакции моего тела. Пока я панически пытаюсь сообразить, как мне быть. И что ему ответить.

– Завтра в девять, – говорит он вместо меня. – Пришлю машину. Мы поедем вдвоем. Без твоего мальчика, без камер. И без глупостей.

– Куда? – инстинкты воют, что я совершаю сейчас огромную ошибку, задавая этот вопрос. Добром это все не кончится.

– Покажу тебе места, которые туристам не показывают. Просто поговорим. Если ты захочешь уехать – привезу обратно.

– А если не захочу?

– Тогда останешься. На сколько захочешь. Под мою личную ответственность. И защиту.

Я смотрю на него и не могу понять, ловушка это или шанс.

Его рука скользит по моей шее выше, пальцы запутываются в волосах у затылка. Он чуть тянет, заставляя запрокинуть голову. Затем наклоняется и касается губами места, где недавно были его пальцы. Это ощущение... как несколько бокалов шампанского залпом. Ударяет в голову на поражение.

По телу пробегает дрожь. Я в предвкушении, что он сейчас меня поцелует.

Зажмуриваюсь...

Но его губы не касаются моих. Я лишь чувствую его дыхание у себя на шее, на плече – горячее, неровное. Он медленно, очень медленно ведет носом обратно вниз, к ключице. Втягивает воздух. Как зверь.

Не могу пошевелиться. Не могу дышать. Все происходящее... сильно будоражит.

– Охрентельно пахнешь, Валерия, – шепчет он мне в шею, и от этого шепота снова ток бежит по позвоночнику. – Страхом и желанием. Хорошее сочетание.

Он вдруг выпрямляется и отпускает меня. Я открываю глаза. Требуется несколько секунд, чтобы взять эмоции под контроль.

– Если завтра в девять ты выйдешь из своего шатра, я заберу тебя. Если нет... значит нет.

Он поворачивается и уходит. Не оглядываясь. Я смотрю ему вслед, чувствуя, как колени подкашиваются. И сердце стучит, будто я пробежала марафон.

Только когда его фигура исчезает за машинами, позволяю себе выдохнуть. Опускаюсь на корточки.

Шея горит там, где он меня трогал пальцами и губами. Адреналин гоняет кровь по венам.
Что это сейчас было?

Я поднимаю лицо, смотрю на звезды. Очень яркие. Как и мои эмоции.

Он прав. Мне страшно. Я его боюсь.

Возвращаюсь к Гринсбургу в растерянных чувствах. И все еще злюсь на него за тот поцелуй.

– Ты где была? – набрасывается он. – Я видел тебя у дальних машин, а потом ты пропала из поля зрения. Я уже думал, тебя похитили и хотел здесь всех на уши поднимать.

Пока не похитили. Дали подумать до утра.

– Гуляла, – отвечаю я и смотрю в сторону, где отдыхает Ясин.

Он стоит в окружении мужчин, пьет что-то темное из стеклянного стакана и, слегка прищурив глаза, не сводит с меня взгляда.

9 глава

В лагерь возвращаемся, когда огни вечеринки уже не различить за барханами. Всем составом. Меня не похитили и даже более того: через несколько минут Ясин как будто покинул мероприятие. Его больше нигде не было видно. Возможно, таких, как я, он пригласил не одну, и какая-то из девушек да согласилась.

Я иду к шатру, не оборачиваясь. Марк плетется сзади. Желание стащить с его дивана плед и бросить у входа, чтобы спал как собака за свою слюнявую самостоятельность, очень велико. И что удивительно, при воспоминании о поцелуе Гринсбурга внутри поднимается злость, но стоит подумать о Ясине, и я будто снова у того контейнера, а его дыхание на моей шее...

Захожу внутрь и, не раздеваясь, ложусь на кровать. Моя – огромная двуспальная, у небольшого окна. А вторая, похожая больше на диванчик напротив двери, – там расположился Гринсбург. До сегодняшней ночи я сносно относилась к тому, что мы вместе на одной территории. А теперь... Не хватало, чтобы он еще хотел что-то засунуть в меня помимо своего языка. О чем и говорю вслух, доставая из сумки перцовый баллончик, который прикупили на одном из рынков в Фесе.

– Лер, я не собираюсь к тебе приставать, – смеется Гринсбург, стягивая через голову футболку и оголяя торс.

– Вот и молодец. Про тот поцелуй забудем. Больше так не делай.

– Странно, он даже к тебе больше не подошел... – переводит Марк тему.

– Да, – бормочу я и переворачиваюсь на другой бок, мысленно опять возвращаясь к Ясину.

Он дал мне время. Очень мало. Буквально несколько часов. На спонтанность, о которой потом пожалею. Так мало времени, чтобы я не успела накрутить себя? Хотя, наверное, это даже много: я уже вечером могла быть его...

Я долго лежу с открытыми глазами, но сон не идет. Ворочаюсь, сбиваю одеяло ногами, натягиваю обратно.

Зато Марк уже дрыхнет во всю. Повезло.

А я не знаю, что делать. Решиться?

Мы приехали сюда не ради экзотики. История Наумова стала для нас главной темой. Его последние координаты вели в этот район, к туристическим лагерям за Мерзугой. Местные гиды в городе пожимали плечами, полиция разводила руками, а редакция тянула с официальным запросом. Я рванула с первой же организованной группой, когда Игорь предложил провести журналистское расследование. Вместе с Гринсбургом. И вот мы здесь, пятый день. У нас есть снимок Ясина, сделанный вчера украдкой, и понимание, что он – ключ к местной иерархии. Но цена доступа? Мое «да», которое он вытянет из меня, потому что я уже знаю: если окажусь с ним наедине... Вряд ли мне дадут возможность соскочить.

Засыпаю все-таки под утро. Так же без окончательного решения. И просыпаюсь резко, по щелчку. Протираю глаза. В голове все такая же каша, будто и не спала. Тянусь к телефону, снимаю его с зарядки.

Часы показывают восемь.

Марк дрыхнет, я неспешно собравшись, выхожу на улицу. Воздух еще прохладный, но солнце уже припекает. В лагере тихо, большинство, наверное, спит. Тем более сегодня без программы, последний день, завтра сюда приедет новая группа.

Я иду к общему шатру, наливаю чай. Сажусь на деревянный настил, смотрю на въезд. Сегодня над барханами будто дымка. Что-то необычное. Или так бликует солнце? Но красиво. Черт возьми, как же тут красиво. Еще бы поменьше пыли и песка.

Восемь тридцать. Решения все так же нет. Зато картинки и варианты того, что могло бы быть после моего «да», очень яркие, и в этом всем нет того, как мне рассказывают о Наумове.

Девять.

Нет, ехать сейчас – это большая глупость. Но мой последний шанс. Ясин вряд ли еще раз появится рядом после моего отказа. Как бы откровенно вчера ни проявил свой интерес. Это все похоже на сделку с дьяволом. Арабским.

Девять пятнадцать.

Кто-то не особо пунктуален?

Девять двадцать пять...

Кофе давно остыл. Я ставлю кружку, испытывая... разочарование?

Ясин не приехал.

И правильно. Я бы не вышла. Потому что выйти, значит признать, что я согласна. А я не знаю, чего хочу. Или знаю, но боюсь себе в этом признаться.

Внутри скребёт. Обида? Облегчение? Не могу разобрать.

Сижу ещё полчаса, как дура. Потом иду в шатер, беру телефон. Выхожу к бассейну. Связь еле ловит, вай-фай тоже работает так себе, страницы грузятся еле-еле.

Открываю снимок, который сделала украдкой: Ясин в тёмной кожанке, стоит чуть в стороне от группы мужчин в белом, лицо серьёзное, в камеру не смотрит.

Забиваю его имя в поисковике. Ничего. Ни одного упоминания. Хотя мы и так это делали много раз.

Десять. Машины нет.

И в одиннадцать тоже. А дымка и ощущение, что дышать стало тяжелее, только усилилось.

Я возвращаюсь в лагерь, нахожу повара-бербера, который вчера помогал мне переводить какие-то старые статьи. Спрашиваю, не слышал ли он имя Наумова. Тот отводит глаза, говорит, что не помнит. Предлагаю деньги за любую информацию – он мотает головой и уходит. Второй гид, помоложе, на вопрос о Ясине отвечает односложно: «Важный человек. Не для разговоров». И добавляет уже что-то по-арабски, вполголоса.

Возможно, этот сиди и впрямь пригласил несколько девушек и выбрал ту, что меньше ломалась. Нужно искать новые способы что-то выяснить об этом человеке и его окружении.

И этот способ сам находит меня после обеда. Карим направляется к шезлонгу, где я сижу, потому что тут более-менее нормально грузится вай-фай. Садится на соседний и молчит, глядя на воду.

– Ты мудрая девушка, Валерия. Я сразу это понял.

Непонимающе смотрю на него.

– Молодец, что вчера вернулась в лагерь с группой. Не осталась на той вечеринке. Сиди Ясин... человек известный, – продолжает Карим. – Приближённый ко двору. Это, безусловно, почтение, что на тебя обратили внимание, но такие приглашения редко заканчиваются... чем-то хорошим.

Приближённый ко двору? Неужели и правда принц?

– ...благодаря Аллаху, дальше все пройдет спокойно. Ты уедешь с хорошими впечатлениями. Правда, сегодня уедем ли мы – под вопросом. Шерги.

– Что?

– Горячий сухой ветер из Сахары. Может разыгаться буря, и тогда мы тут застрянем на день-два.

Разговор о том, что хочу остаться, решаю попридержать на несколько часов.

– Это дымка поэтому?

– Да.

– Карим, я здесь не совсем как туристка... – иду ва-банк. Полгода назад пропал русский журналист. Его видели в этих местах. И больше ничего... Вы не слышали фамилию Наумов?

Карим молчит, поправляет на плече шемаг.

– Не слышал. Люди приходят и уходят, Валерия. Сахара большая.

– Говорят, он интересовался делами, которые могут быть связаны с людьми из окружения Ясина...

Карим поднимается.

– Валерия... иногда лучше уехать с тем, что имеешь, чем остаться и потерять все. Здесь свои законы, и они не всегда совпадают с твоими. Прекращай интересоваться этим мужчиной.

– Вы не ответили, Карим, – настаиваю я.

– Как раз ответил, – награждает долгим взглядом и уходит.

* * *

С Марком пересекаемся в шатре. Дышать становится невыносимо, песок повсюду, и ветер только усиливается.

Я ложусь на кровать и беру книжку, но мысли возвращаются к разговору.

– Карим намекнул, что ты хотела бы остаться. – Марк перебирается на мою кровать и ложится рядом.

– Это должен был озвучить ты. Потому что я получила проповедь насчет их важного Ясина. Нам надо выяснить, что случилось с Наумовым, если ты забыл.

– Твои предложения? Вчера к тебе не особо проявили интерес. И домой ты вернулась со своим парнем...

– Благодаря тебе.

– Лер... – довольно улыбается. – Давай рассуждать логически. Мы точно знаем, что его лагерь здесь. И знаем, как этот Ясин выглядит. Плюс фото с вечеринки. Понимание, что он здесь, скорее всего, главный. Наумову этого хватит. Он же не просил нас геройствовать. Ну и становится любовницей какого-то пустынного мафиози. Так ведь?

– А если у нас получится выйти на кого-то из его людей? Карим явно что-то знает, но боится говорить. И местные тоже. Я интересовалась.

– Карим – гид. У него семья, работа. Он не станет рисковать ради двух иностранных репортеров, которые даже аккредитации не имеют. У нас есть фото и привязка к месту. Отправляем все в редакцию, пусть подключают Интерпол или кого там надо. А мы умываем руки.

Я знаю, что Гринсбург прав. По всем пунктам. И все равно внутри глухое сопротивление. Уезжать, когда мы так близко к тайне... А вдруг получится узнать еще больше?

– Карим говорит, будет буря, задержимся на день-два, – говорю я. – Как все закончится, уедем.

– Именно, – Марк кивает. – Лер, я понимаю, тебе хочется раскопать что-то самой. Но это не студенческое расследование. Тут люди исчезают. В прямом смысле. И ты разве не поняла, что я ради тебя, дурочки импульсивной, сюда поехал? Чтобы ты глупостей не наделала. Хотя какой бы был материал: где дубайские шейхи, а тут пустынные сиди, да?

– Отвали, – толкаю его, и он падает с кровати.

Перебирается на свой диван и опять засыпает. Ну а что тут еще делать, когда с погодой атас.

И оставаться... Есть ли смысл, когда меня кинули?

Вечером собираю вещи. Бросаю в чемодан все подряд. Обидно. Ехала за историей, а по сути – ничего. Зато отчетливо понимаю, что вот сейчас появишься этот «пустынный принц» – я бы поехала с ним. И это желание пугает больше, чем любая информация, которую я могла бы добыть.

Но сборы откладываются. Марк заходит в шатёр и сообщает, что ветер усилился, везде песок, нас в такую погоду не повезут. Ждём хотя бы до того, как станет чуть потише.

А я бы и рада уже вовсе свалить. Раз ничего не вышло.

Ткань шатра хлопает, песок шуршит по стенам. Я лежу с открытыми глазами, слушаю, как пустыня напоминает, кто здесь главный.

* * *

Утром небо желтое. Солнце видно сквозь пелену, как тусклый фонарь. Дышать тяжело, песок забивается в нос, в горло.

Карим объявляет: выезд в таких условиях отменяется. Группа нервничает. Им жаль терять дни, которых и без того мало. А мне все равно. Но солидарна со всеми. От песка уже устала. Первые эмоции восторга схлынули, и по сути делать тут больше нечего.

Возвращаюсь в шатер, включаю скачанный сериал. Марк заглядывает, но долго не выдерживает смотреть мои драмы. Уходит ко всем в столовую.

Я открываю ноутбук – вай-фай почти не ловит, но я успеваю отправить в редакцию короткое сообщение: «Ясин, приближённый ко двору. Лагерь в районе Мерзуги. Есть фото. Буря, задерживаемся. Ищем контакты гидов, которые знают Наумова».

Время тянется медленно. Я уже начинаю клевать носом, когда слышу стук.

– Дурацкие шуточки, Гринсбург. Сам что ли открыть не можешь?

Стук повторяется.

– Марк, прекращай.

– Валерия, откройте, – слышу мужской голос. Отдалённо похожий на...

Каиль?

Забыв о Марке и о том, что собиралась спать, подрываюсь с кровати. Открываю дверь.

В руках у Каиля корзина с фруктами и... цветы живые вперемешку с сухоцветами.

– Сиди Ясин просил передать извинения, что опоздал, – говорит он на английском. – Вчера не смог приехать. Дела. Погода...

Протягивает букет. Я беру. Он тяжёлый, пахнет сухой травой и чем-то сладким. Лепестки уже тронуты песком.

– Если предложение еще в силе... – Каиль делает паузу. – Мой хозяин сейчас в вашем лагере. Буря, мы решили остаться здесь, переждем.

Смотрю на цветы. На Каиля.

Вот это да...

В голове щёлкает: это не просто романтический жест. Это шанс выйти на его окружение, увидеть лагерь изнутри, найти хоть какой-то след Наумова. Но цена – мое согласие. Моя безопасность. И непонятно, смогу ли я потом отступить.

– Пройдемте? – жестом приглашает идти за ним.

10 глава

Живые цветы среди сухоцветов... Интересное сочетание. И предложение тоже.

Каиль стоит у входа, терпеливо ждет.

– Пройдемте? – повторяет, когда я не тороплюсь двигаться с места.

Безусловно, это шанс. Но цена – моя безопасность. Может, правильнее закрыть дверь и не высовываться?

– Хорошо, – говорю. – Идем, – совершаю опрометчивый шаг.

Возвращаюсь в шатер на секунду, положить цветы на кровать. Марк наверняка заинтересуется, откуда они.

Каиль кивает и разворачивается.

Выхожу следом. Ветер бьет в лицо. Песок колет щеки, небо желто-коричневое. Дышать тяжело. Еще утром было не так критично.

Ясин разместился в дальнем шатре нашего лагеря. Рядом его джип, уже присыпанный песком. С трудом верится, что это просто совпадение. Но есть ощущение, что некоторые события неотвратимы. Встреча с этим человеком, возможно, была предначертана свыше. Иначе почему все так стремительно закрутилось? Мне теперь даже любопытно, чем это все закончится.

Каиль откидывает полог:

– Заходите.

Внутри полумрак. Ясин сидит на подушках в углу. В черной футболке, волосы слегка взлохмачены песком. Даже в таком виде очень притягательный.

Он пьет что-то из пиалы, не спеша. Смотрит на меня внимательно. Будто наперед знает исход этой встречи.

– Спасибо, Каиль, – говорит спокойно. – Оставь нас. Если будешь нужен, я сообщу.

Дверь закрывается. Мы остаемся одни. Ветер воет снаружи. Песок шуршит по стенам.

Я стою у входа. Сердце колотится где-то в горле.

– Проходи, – говорит Ясин. – Не бойся.

– Я и не боюсь.

– Но дрожишь, – замечает он.

Это неконтролируемая реакция. Новое место, не совсем понятные обстоятельства и мужчина, который как ни крути, но волнует мое тело и разум. А еще вызывает сильный интерес. Особенно тем, что причастен к пропаже Наумова. Наверняка причастен.

Ясин поднимается, делает шаг ко мне. Я чувствую его запах – терпкий, древесный, с ноткой кофе и табака. До недавнего времени меня такие ароматы не прельщали.

– Ты получила цветы?

– Да. Необычно. В пустыне из зелени разве что кустарники... Спасибо.

– Мое предложение в силе, хоть я и задержался.

Он подходит ближе. Останавливается в полушаге. Его рука поднимается, пальцы касаются лямки моего топа – там, где она сползла с плеча.

Черт, надо было хотя бы ветровку накинуть. Но несмотря на ветер, в воздухе душно, и я была в своем шатре. Вышла без раздумий в чем была.

– Только хотелось бы прояснить кое-что, перед тем как заберу тебя.

– Заберете? – царапает его тон и уверенность, с которой он это говорит.

– Да. – Он скользит взглядом по моей шее, останавливается на губах, потом поднимает к глазам. – Цель поездки, – произносит медленно. – Только честно, Валерия.

Я бы и рада ответить. Но его пальцы на бретельке, его взгляд – царапающий, черный – лишают меня всяких здравых мыслей. Пульс стучит в висках.

Черт. Черт!

– У вас принято допрашивать туристов? – выдавливаю я, заодно тяну время. – Или мне одной так повезло?

Он усмехается. Едва заметно, уголком губ.

– Повезло. У нас некоторых не спрашивают. Их просто... – он ведет пальцем по моему плечу вниз, до локтя, – ...пускают по кругу. Повторяю вопрос. Зачем ты приехала? – голос становится жестче.

Я сглатываю.

Вариантов несколько. Сказать «отдых» – не поверит. Сказать «работа» – спросит какая. Сказать правду – и тогда я понятия не имею, что сделает этот человек. Нельзя исключать, что он все знает.

– Я обычная туристка, – выбираю не самую верную тактику. – Приехала увидеть пустыню...

Он смотрит на меня долго. Так долго, что я начинаю снова трястись.

Ясин убирает руку, отступает на шаг.

– Ты плохая лгунья, Валерия. Но я уже говорил: мне нравится, как ты пытаешься врать.

– Я...

– Молчи. – Голос уже не ленивый. В нем металл. – Ты журналистка. Приехала не ради барханов и впечатлений. Ты приехала из-за человека, который исчез в этих местах полгода назад.

У меня перехватывает дыхание.

Он знает... Есть ли смысл отпираться? Зачем тогда были эти цветы? Открытые намеки на интим? Мог бы сразу похитить. Как и Наумова. Или убить.

– Ты в Сахаре, девочка. Здесь нет твоей Москвы. Здесь закон – я. И другие люди, наделенные властью. Вопрос лишь в том, к кому из них ты попадаешь. – Он наклоняется к самому моему лицу. – Но прежде чем я дам тебе защиту, ты ответишь. Цель поездки. Последний раз спрашиваю.

Колени подкашиваются от страха. И от того, что я влезла туда, откуда, похоже, не вылезти. Хотя это следовало ожидать, просто я об этом не думала. А реальность часто преподносит сюрпризы. Особенно если от нее отлетаешь.

– Я... я ищу человека, – признаюсь наконец. – Он пропал здесь почти полгода назад. Его фамилия...

– Наумов. – Ясин заканчивает за меня. – Верно? – отходит к столику, наливает воды. Пьет медленно, не торопясь.

Мне бы тоже не помешало. Голова начинает кружиться от волнения.

– Что... что с ним случилось? – спрашиваю, набравшись смелости.

– Его нашли в пустыне.

– Он... жив?

Ясин смотрит на меня секунду.

– Жив. Но это не значит, что ты его найдешь.

– Почему?

– Потому что.

Очень информативный ответ!

– Это значит, что и меня теперь не отпустите? Я окажусь с Наумовым?

Ясин делает шаг ко мне. Я отступаю и упираюсь спиной в центральный столб шатра.

– Ты приехала под видом туристки, – говорит он, подходя вплотную. – Ты оставила браслет в моей машине. Ты шпионила за мной на вечеринке, выпрашивала у местных про Наумова. И сейчас ты стоишь передо мной и пытаешься выведать информацию. Думаешь, такие вещи остаются без внимания?

Он вдруг хватает меня за подбородок, заставляя смотреть на него снизу вверх.

– А пропажа людей, по-вашему, тоже остается без внимания?

– Снимай свое тряпье, – приказывает он.

– Ч... что?.. – голос предательски срывается.

Ясин наклоняется к моему уху:

– Ты хотела информацию. Я могу ее дать. Но сначала ты докажешь, что готова за нее заплатить. – Он смотрит мне в глаза.

Ветер будто сильнее воет снаружи. И песок стучит по стенам.

Я смотрю на Ясина. На жесткие скулы, тень щетины. И все, что хочу, – это выцарапать его черные глаза. Но если сделаю это... Если скажу «нет» – он вышвырнет меня. В лучшем случае. И я уеду с пустыми руками. Наумов так и останется там – живой, но недоступный. И ноль информации.

Если скажу «да»...

Ясин убирает руку. Отступает на шаг.

– Покажи мне, что ты умеешь играть по-крупному. – Он садится обратно на подушки, вальяжно раскидывает ноги.

В голове каша из страха, азарта, стыда и бешенства. К такому повороту я точно не была готова...

– А если... я откажусь?

– Тогда завтра, когда буря стихнет, ты и твой мальчик попадете в руки других людей. И от них вы явно не узнаете, что случилось с Наумовым. А он... – Ясин делает глоток, – он останется в пустыне навсегда. И что с тобой будет – тоже под вопросом. Возможно, отдадут кому-то в эскорт. Может, пустят по кругу, а потом выкинут полуживую в песках. Я не знаю. У любого влиятельного человека есть враги и конкуренты. Я не исключение.

– Запугиваете?

– Предупреждаю.

– Я... я не проститутка, – говорю четко. – Ясно вам?

– А я и не предлагал тебе денег. Я предлагаю выбор. Сделай его. Очевидно, что ты здесь за информацией. Выбери: платить мне или кому-то другому. В пустыне всегда найдется тот, кто возьмет плату.

Но деньги тебе не нужны, не так ли, похотливый жеребец?

Медленно, очень медленно, я поднимаю руку и касаюсь лямки топа. Может, опасно вестись на его слова, но иногда лучше подыграть. К тому же ситуация приняла нестандартный поворот. Это все оказалось ловушкой. Как и предупреждал Гринсбург. Жаль, что я его не послушала.

– Вы обещаете, что расскажете правду? – напускаю на себя наивный вид.

– Возможно, – произносит он без тени искренности, но с любопытством: как далеко я могу зайти?

Я стою, чувствуя, как сердце колотится где-то в горле. Как его взгляд, тяжелый, черный, скользит по открытой коже. Меня накрывает злостью. Яркой, ослепительной, как та звездная ночь на бархане.

Медленно поднимаю руку. Поправляю лямку обратно на плечо, глядя Ясину в глаза.

– Нет, – говорю спокойно, хотя внутри все дрожит от страха. – Вы сказали, что не держите тех, кто вам нужен. А я вам нужна. Иначе не пригласили бы, – делаю шаг вперед. Но не к выходу. К Ясину. Сажусь на подушки напротив, через низкий столик. Смотрю прямо в эти черные глаза-провалы. – Поэтому давайте без дешевого театра, – кладу руки на стол, показывая, что не дрожу. – Я хочу узнать, что случилось с Наумовым. Вы хотите что-то от меня. Если это просто тело – то я... не готова. Вот так и при таких обстоятельствах по крайней мере. Заключим сделку?

Ясин смотрит на меня долго. Очень долго. И вдруг уголок его губ дергается.

– Ты смелее, чем я думал, – говорит он. Голос снова ленивый, но в нем уже нет металла. –

Или глупее. Не пойму пока.

– Разберетесь со временем. Но сначала скажите: Наумов точно жив?

Ясин берет пиалу со стола, делает глоток. Не торопится.

– Жив.

– Где он?

– В месте, куда туристы не ездят.

– А я не туристка.

– С этой минуты нет – говорит он и ставит пиалу. – Завтра, когда буря стихнет, я заберу тебя к себе. В состав группы ты не вернешься. Гиду сообщишь, что уехала со мной на добровольной основе. И мальчику своему тоже. Будет мой тебе подарок: я его не трону.

Я хмурюсь.

– Если вы хотите заключить сделку, сяди Ясин, то вам придется пойти и на мои уступки, – понимаю, куда он клонит и снова рискую, бросая ему вызов.

Он усмехается, на этот раз почти искренне.

– Ты эти уступки уже получила, Валерия. Завтра в восемь за тобой придет Каиль, и я заберу тебя. А пока отдыхай.

– А если... нет?

– Тогда я не смогу тебе помочь, Валерия. И твоему мальчику. Считаю, это твой первый и последний шанс. Никто не может служить двум господам. – Он смотрит мне прямо в глаза. – Он или одного будет ненавидеть, а другого любить, или же одному будет предан, а другим станет пренебрегать. Поэтому у тебя ограниченный выбор. И лучше для тебя, если я стану твоим господином и хозяином.

11 глава

Господин? Ничего такие замашечки. Но царапает вовсе не это...

Привычка подмечать детали и слова иногда работает на грани паранойи. Может, и сейчас она, но... мать в детстве таскала меня в церковь каждое воскресенье, заставляла читать Библию. Про двух господ – это... что-то из нее. Я недавно перебирала старые вещи, когда пере-езжала, и нашла эту затертую книжку. Пролистнула страницы. Несколько строк зачла. И эти точно были оттуда.

А теперь Ясин мне их зачитывает почти один в один...

– Странный выбор цитаты для человека, который только что требовал раздеться. И если что, со мной всегда можно договориться. Без приказов.

Кольнуть его, что для человека, которого Коран – первая книга, он говорит фразами из Библии? Хотя в Коране, возможно, все то же самое, только чуть другими словами. Ладно. Не суть. Но совпадение интересное.

– Договариваются с равным, – отрезает он. – Ты мне не равная.

– Может, здесь, в вашей стране, это и так, но в нашей права женщин не ущемляются. Ну и я тут по делу, а не ради удовлетворения ваших плотских утех.

Хотя до сегодняшнего дня и минуты голову не посещали мысли, почему именно я. Из всего штата сотрудников. А выбор, возможно, очевиден. Одна живу, мать давно умерла, отец от нас ушел, даже не помню как выглядит и от нас отказался. Не закрытая ипотека, кредит. Деньги Наумов предлагал хорошие. Потому что и риски существенные. Как выяснилось. Эскорт в пустыне во столько он оценил?

– Ты всегда так непочтительно разговариваешь с мужчинами?

У нормальных людей подкашиваются колени, когда им напрямую угрожают. У меня – тоже. Просто я не показываю. А дерзкий язык всего лишь защитная функция, улица научила, но мамино послушное воспитание глушило эту мою часть. По крайней мере, перед ней.

Я выдерживаю паузу, еще раз прокручивая в голове все слова араба. Выходит, о нас знали с самого начала. Как и мы о Ясине. И при встрече не только я сложила один к одному. План Наумова-старшего оказался провальным, а моя тяга к приключениям привела прямиком к ним. Хватит теперь, чувствую, до конца жизни. Который, надеюсь, наступит не завтра. Потому что черта с два я разденусь перед этим мужчиной.

– Нет, – отвечаю я. – Вы – особенный случай.

Ясин коротко усмехается.

– Ты приехала за историей, – говорит он, поднимаясь. – Ты не получишь. Только не ту, которую придумала в своей голове. И если повезет вернуться в свою Москву, будешь пере-бирать в воспоминаниях каждую минуту здесь и понимать, что не надо было сюда соваться вообще. Не знаю, сколько денег тебе обещали, но оно того не стоило, Валерия. В твоём случае. А в моем...

Он берет мою руку. Я не успеваю отдернуть. Он переворачивает мою ладонь вверх, смотрит на линию жизни. Затем ведет по ней. Очень красноречиво. Типа, теперь моя жизнь в его руках?

Испугаться бы, но... Страх отчего-то отступает.

– Завтра в восемь утра, – напоминает он. – Выезжаем, как буря стихнет. Каиль проводит тебя.

Ясин отпускает мою руку и зовет Каиля. Тот отводит меня в мой шатер, хотя я сама бы прекрасно дошла.

Марк уже внутри. Сидит на кровати. Рядом с моим букетом.

– Ну? – спрашивает тихо. – И откуда это?

– Оттуда. Ясин здесь.

Его брови взлетают вверх.

– Серьезно?

– Да. И... завтра я уезжаю с ним, – говорю я, игнорируя смотреть на Гринсбурга. Хотя следовало промолчать и сказать ему об этом уже утром.

– Не понял, – Марк поднимается, хватая меня за локоть.

– Что непонятного? Он все знает про нас. Про Наумова. И даже не скрывает, что знает о его местонахождении.

– Ты... Лера, ты дура?

Выдергиваю свою руку.

– Умом явно иногда не блещу, ты часто об этом говоришь, – оцетиниваюсь я.

– На хрена? – он почти кричит. – На хрена тебе это, Лера? Там нет никакой истории. Там есть мужик, который хочет тебя поиметь. И все. И чем это все закончится – неизвестно.

– Нас двоих не отпустят, не дадут выехать, потому что я уже была в лагере и что-то знаю. А ты явно не во вкусе сиди Ясина. Твои предложения, как нам поступить? Времени, – поднимаю руку и смотрю на часы, – от силы восемь часов. Утром за мной придет его человек.

Марк смотрит на меня. Открывает и закрывает рот, видимо, ему сложно подобрать слова. Даже матерные.

– Ты ненормальная, – наконец бормочет он.

– Да, что повелась на предложение Наумова. Хорошие деньги, плевое дело, загадки же ты любишь, Валерия? Подставу он организовал. И, полагаю, обращался в Интерпол и вообще задействовал по поиску многих людей, и как только мы пересекли границу, о наших именах уже знали. И если на то пошло, речи о том, чтобы тебя оставить, у Ясина не шло. Видимо, из-за того поцелуя конкуренты этому арабу не нужны. Подстелил ты соломки, Марк. Но не мне.

Гринсбург все так же стоит на месте и выглядит ошеломленным. Смотрит то на меня, то на букет. Запускает пятерню в волосы. После идет к своему дивану, берет телефон.

– Сейчас я ему позвоню. Это какое-то недоразумение, Лера.

– Да, – киваю я. – Учитывая, что мы оба по жизни одиночки и ты в списке для поездки не значишься, а вызвался добровольцем – и он не стал говорить нет... Ему и на тебя наплевать.

На самом деле сомнения и до этого возникали, но все как-то выглядело иначе. Ну и я по-настоящему с опасностями никогда до этой минуты не сталкивалась. Даже сейчас они таковыми не кажутся...

Наумов не доступен. Марк пишет ему сообщения, просит срочно перезвонить. Но в ответ снова тишина. Разница во времени с Москвой не существенна. И на случай внештатных ситуаций заготовка была одна. Мы с Гринсбургом пара. Приехали отдыхать. А других указаний не было, потому что Игорю на нас и впрямь было наплевать. А может, я тут и вовсе в обмен на его брата? Уже не знаю, что и думать, честное слово...

Я не сплю почти всю ночь.

Лежу и смотрю в потолок, слушаю, как ветер бросает песок в стены шатра. Думаю о Наумове. О Ясине. О том, что завтра сяду в машину к мужчине, который ничего мне не обещал, лишь дал понять, зачем я ему нужна.

Захожу в интернет и ищу цитату из Библии. Делаю скриншот от Матфея, 6:24. Читаю еще несколько строк и так и засыпаю под утро. Мне снится офис. Москва. Зимний свет за окном. Мое неспешное утро до работы на своей старенькой машине. Я пью кофе за рулем под любимую музыку и думаю, как все надоело и скучно, ноль развития.

И просыпаюсь с четким пониманием: назад я не хочу. Но и вот так... как сейчас – тоже.

12 глава

– Лер, – в шатре появляется Марк.

Я даже не сразу обращаю внимание, что была одна. – Встала? Отлично, поднимайся. Я все решил, – сбрасывает с меня одеяло и тянет за локоть.

– Марк, ты чего...

– Потарапливайся, Лер. Возьми самое необходимое из вещей. Я тут с местным за деньги договорился, чтобы он нас до ближайшего города отвез, а там дальше засядем где-то, и придумаем, как выехать. Наумов пусть сам свои вопросы решает, деньги ему тоже вернем.

Хлопаю ресницами, ничего не понимая. Может, еще сплю?

– Лера, да что же ты не двигаешься? Скоро за тобой придут, нам хотя бы час отрыва иметь. Я что потом делать буду? Как тебя вытаскивать?

– Побег, Гринсбург? Ты серьезно?

– Да. На хер Наумова с его лажей. Мы ехали информацию узнать, но пешками его быть не подписывались. Как чувствовал, что тебя одну нельзя оставлять. Ну что ты своими глазенками наивными на меня смотришь? Остаться хочешь?

– Нет. Но и деньги Наумову возвращать не хочу...

– Да погоди ты. Самим бы вернуться. Если у этого Ясина и впрямь все схвачено, то дело шляпа. Но попытаться точно стоит.

– А если... не выйдет?

– Все равно тебя отсюда вытащу.

Марк, оставив меня в покое, берет мою сумку и скидывает в нее все, что попадается ему под руку.

Нет, я тоже думала о побеге. Но Гринсбург... Беру свои слова обратно, что от него никакой пользы.

Поднимаюсь с кровати и помогаю ему.

– Ну вот, умница. Сейчас свалим подальше от этого места. И до Наумова я обязательно дозвонюсь.

Собрав вещи, обуваюсь, завязываю хвост. Чемодан жалко, но собрать и его уже не успею. Да и черт с ним. Что я, шмоток себе не куплю? Удивительная штука жизнь: некоторые одежду себе покупают, а кто-то людей...

– Вот, умница. Идём, – подталкивает меня к выходу.

Время начало седьмого. В воздухе все так же много песка, и как мы куда-то доедем в такую погоду непонятно. Но должна признать: риск и так и так присутствует. А я сама в последнюю минуту перед появлением Гринсбурга думала уже куда-то здесь спрятаться и пересидеть.

Машина ждет за ограждением лагеря. Джи́п практически не видно. Песка немерено, и он повсюду: в волосах, даже во рту.

Я забираюсь на заднее сиденье, Гринсбург кидает наши вещи рядом со мной, что мы второпях успели собрать, сам садится спереди, и машина в ту же секунду срывается с места. Происходящее похоже на остросюжетный блокбастер. Не хватает только погони и пуль. И надеюсь, мужчина за рулем знает пустыню как свои пять пальцев.

Пока все идет и впрямь чисто, по заветам божьим. Вдруг мама не просто так водила меня в церковь и заставляла читать Библию? Почему я снова вспоминаю строки из нее? «Входите через узкие ворота, потому что широкие врата и просторный путь ведут к погибели, но многие идут именно по этому пути». Гринсбург же ищет как раз вот такие узкие лазейки.

Чем дальше отъезжаем от лагеря, тем спокойнее становится. И отголоски сна, что мне было скучно в Москве, рассеиваются. Нормально было в столице. А из зоны комфорта можно выйти и куда более безопасными методами.

Водитель джипа говорит, что буря еще в разгаре и мы сильно рискуем. Он вообще не видит ориентиров. Если мы здесь застрянем, то погибнем. Предлагает вернуться обратно.

– Нет, – мы с Гринсбургом отвечаем в один голос.

Марк оборачивается, выглядит взвинченным. Мы ползем как улитки, ветер гоняет песок, видимость почти нулевая. Дышать тяжело, и глаза чешутся. Я держусь из последних сил, чтобы не тереть их.

Так себе романтика. И в целом поездка.

– Сколько нам осталось ехать, Марк? – спрашиваю спустя час езды. И асфальта пока не видно. До лагеря с шатрами, когда мы сюда ехали, было в разы быстрее. И город там тоже был какой-то недалеко. Сейчас злюсь на себя, что была не столь наблюдательна. Возможно, это бы хоть как-то пригодилось.

– Не знаю, – резко отвечает Гринсбург.

Мне кажется, от перенапряжения и нехватки кислорода я сейчас рухну в обморок. Из плюсов – остаток дороги провела бы незаметно для себя. А из минусов... что-то все сплошь ими обернулись. Как тут люди вообще выживают? Разве к подобному реально привыкнуть?

Когда мы наконец выезжаем на асфальт, я даже не знаю, что испытываю. Восторг? Но радость омрачается, потому что водителю кто-то звонит. Он отвечает и разговаривает на своем непонятном нам арабском языке, после чего паркуется у обочины.

– Я больше не могу вам помогать. Меня попросили вернуть вас обратно, но я сказал, что уже высадил. Это все, что могу в счет оплаченных денег. Уходите.

Марк ругается по-русски. И мне тоже охота. Потому что до города пешком черт-те сколько, и пока мы будем идти, непонятно, что может еще произойти.

Больше из Библии ничего не помню, но что-то там про алчность и желание иметь много денег тоже явно имеется. Которые вот к чему меня привели.

– Никто не узнает, что ты довез нас до города. Не надо бросать на полпути, – просит его Марк.

– Я не могу, – отрезает водитель. – Выходите.

– Скотина принципиальная, – ругается на русском Гринсбург.

– Пошли, Марк, – беру сумку. – Попробуем сейчас попутку поймать. Машин хоть и мало, но они есть. Так даже лучше. Никто не будет знать, где мы и куда идем. И по-хорошему бы в обратную сторону от города двигаться. Так мы точно запутаем следы.

В воздухе духота и песок. А говорили, в конце зимы тут комфортная погода. Очень.

– В обратную сторону? – повторяет Марк. – Это правда хорошая идея. Сейчас гляну, что там дальше по пути.

– Нас могут отследить по телефону?

– Вряд ли твой принц до такой степени будет заморачиваться. Ему никто за тебя не платил, а бегать за тобой по всему Марокко, согласишься, не королевское это дело.

Марк сверяется с картой и говорит, что надо попутку ловить. И снова не могу с ним не согласиться. А еще благодарю за помощь и оперативность. Хорошее было решение, хоть и безусловно рискованное. Но главное – мы уже далеко от лагеря.

К вечеру добираемся до Ифрана. С ограниченным бюджетом, вещами и севшими телефонами и павербанками. Зато до сих пор свободные.

Мы находим жилье, отдав за него последнюю наличку. И, отмываясь в душе от песка и стирая свои вещи, я все еще не верю, что происходящее не сон...

– Лер, – Марк стучит. – Все нормально? Ты уже долго в ванной.

– Да, – закончив с джинсами и футболкой, выхожу в небольшую комнатку.

– Я продуктов купил, поесть приготовишь? Сейчас от голода умру.

– Приготовлю. – Улыбаюсь, глядя на огромный пакет и выглядывающие из него апельсины. – Просто так угостили, представляешь.

Иду разбирать пакеты, сдерживая подступающие слезы от усталости и перенапряжения. Очень сложный и насыщенный день. А сколько таких еще впереди.

– Представляешь, эта гнида так и не ответила. Сученьш. Неужели действительно кинул нас здесь? Или уже обменял на брата. Красиво все обставил, да? Журналистское расследование. А тут может, налаженный канал продажи запрещенки, девушек и драгоценностей. И ты была очередная в коллекцию королевской семейки.

– Уже ничему не удивлюсь, – соглашаюсь я.

Промыв рис, ставлю его на плиту и достаю сковороду, пожарить куриные ножки. На сколько мы теперь здесь застряли, интересно? Где брать деньги, чтобы и дальше тут снимать жилье? И как долго. Туристическая виза не бесконечная, но заявляться в аэропорт пока страшно.

В пустыне на меня словно морок напал. Ясин, его взгляды, прикосновения, энергетика. Как паук в свои сети заманил. И я едва в них не угодила.

Правда, мозги и сейчас туго соображают.

– Гринсбург, – зову Марка.

– М? – отрывается от планшета и, наверное, что-то опять изучает. Смотрит на меня.

– Спасибо. Для меня еще никто столько не делал...

Понимаю, что Марк и свою шкуру спасает, тем не менее с принципами у него что надо.

– Тут уж спорно, Молчанова, – смеется в ответ. – Ты за меня едва шейху пустынному не отдалась.

13 глава

Два дня в Ифране тянутся как два года.

Крошечная комната на окраине города больше похожа на каморку, чем на полноценное жилье. Марк спит на полу, подстелив запасное одеяло. Я на диване у окна. Мы живы, свободны и пока никем не найдены.

Тишина.

И от Наумова тоже. Я с тоской смотрю в окно на узкую улочку, как пожилой мужчина кормит бездомных кошек, и думаю, что скоро нам тоже придется просить на улице еду. Или куда-то устроиться на работу.

Выхожу немного прогуляться, пока еще солнце не встало. Когда возвращаюсь, Гринсбург уже проснулся и готовит себе завтрак. Я завариваю себе мятный чай, который здесь все постоянно пьют, и уже даже немного привыкла к нему вместо капучино по утрам.

На автомате открываю ноутбук, сажусь за стол.

– Что хочешь найти? – спрашивает Марк, заглядывая мне через плечо.

– Способы отсюда свалить.

– Вариантов не много: наземка, небо, по воде. Но в аэропорт я бы точно пока не совался на нашем месте. Там наверняка ориентировка. Пока не знаю, что делать. Тут бы пересидеть. Но денег почти не осталось...

Слова Марка звучат разумно. Слишком разумно. Но нам надо решать, что делать дальше. А решения нет. Как и связи с Наумовым. Куда он, блин, запропастился?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.